18+

Эштон Фокс

Свободная воля

Tetrabiblos

Эштон Фокс
Свободная воля. Tetrabiblos

https://litres.ru/74928338
ISBN 9785007172097

Аннотация

Виталик Туров, бывший бас-гитарист питерской панк-группы «Отрыжка Апокрифа», узнаёт, что его кореша Гной и Кувалда нашли ему замену — и стали звёздами мирового панк-рока. Сожалеть некогда: отец уезжает, мать не выпускает смартфон из рук, а младшая сестра Алиса начинает проявлять сверхъестественные способности. В самый разгар событий Виталик понимает: кто-то или что-то стирает его память. Он бежит за помощью к знакомому священнику — но получает сообщение от нейросети: «Немедленная эвакуация».

Содержание

ПРОЛОГ 6
Глава 1. Снилось мне 16
Глава 2. Наша семья 19
Глава 3. Прогулка в парке с питбулем 33
Глава 4. Мама-анархия 48
Глава 5. Опять сегодня 65
Глава 6. Бесы 78
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Свободная воля
Tetrabiblos

Эштон Фокс

© Эштон Фокс, 2026

ISBN 978-5-0071-7209-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Книги из цикла Tetrabiblos:

«Астролог»
«Переменная Икс»
«Свободная воля»
«Код судьбы»

* * *

Внимание: данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга не пропагандирует совершение суицида. Книга содержит изобразительные описания противоправных, не соответствующих здоровому образу жизни и традиционным ценностям действий, но такие описания являются художественным, образным творче-

ским замыслом и не являются призывом к совершению запрещённых действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет, а также пренебрежительное отношение к жизни и здоровью. Если вы боретесь с зависимостью, пожалуйста, обратитесь к врачу.

Все события, названия, имена и фамилии в книге вымышлены, совпадения случайны. Книга не основана на реальных событиях, не имеет отношения к реальным людям, не ставит целью кого-либо оскорбить или унизить. Автор поддерживает всё хорошее и осуждает всё плохое.

Для создания обложки автор пользовался нейросетью «Шедеврум» с платной подпиской «Шедеврум Про», которая, согласно Условиям пользования, позволяет использовать результат генерации в коммерческих целях без согласия компании «Яндекс».

* * *

Автор благодарит Нину Викторовну и Олега Викторовича за требование срочно написать продолжение «Переменной Икс». Результат — перед вами.

Автор благодарит Сергея Валентиновича — невоенного консультанта.

ПРОЛОГ

Новая Зеландия. Матамата.
Апрель 2027 года.

Праздник назывался пышно — «Съезд поклонников творчества профессора Дж. Р. Р. Толкина в Шире». Раз в год, в новозеландскую осень, парк «Хоббитон» под Матаматой — те самые зелёные холмы с круглыми жёлтыми дверями, где когда-то снимали начало «Братства кольца», — на три дня отдавался ролевикам-толкинистам на «растерзание». Две тысячи эльфов, гномов, хоббитов и девять назгулов пили свежий эль, стреляли из луков, стараясь не попасть никому в глаз, и пытались забыть о том, что где-то за холмами всех заставляет жить по своим жестоким правилам двадцать первый век.

Встретиться в Париже, в Гонолулу, в Праге значило попасть в объектив камеры наблюдения, нарваться на агента или на случайного знакомого. Константин Волков, бывший командор Ордена Абсолютного детерминизма, отстранённый от оперативной работы, и агент Диана Зимина, двадцать восемь лет живущая под чужим именем, могли спокойно увидеться только там, где их не ждал никто на свете, — в сказочном мире Средиземья.

В назначенное место Диана пришла первой. Она стояла у

пруда — в серебристо-белом платье до земли, в парике из светло-русых волос, заплетённых в длинную косу, с тем самым хрустальным флаконом на тонкой серебряной цепочке. Тридцать лет назад волосы Галадриэли были настоящими, а теперь — парик. Диана старела подобно всем смертным, но старела гораздо медленнее. За верность и преданность Орден, которому она служила, снабжал её Препаратом, продлевающим молодость, исцеляющим все болезни. Причина была не в возрасте: Диану по всему миру разыскивали родственники и друзья тех, кого она ликвидировала по приказу Совета Магистров. За тридцать лет беспрекословной службы Ордену Абсолютного детерминизма количество тех, кто жаждал мести и справедливости, возросло многократно.

Волков появился ровно в девять, когда над холмами зажгли факелы, — пунктуальность была отличительной чертой бывшего командора. Успех каждой операции Ордена зависел от того, насколько точно агент следует прогнозу, составленному доктором Вейсом. Никто не мог сравниться с Константином Волковым в исполнительности, в организации операций. Он должен был уже стать одним из Магистров Ордена, если бы просто выполнил задание, которое изначально показалось ему предельно простым. Ликвидация Аркадия Турова. Что может быть проще, когда все шаги «цели» заранее предсказаны доктором Вейсом? И там, в Барселоне, у него должно было получиться. Но не получилось.

Орк в резиновой маске, в рваной кольчуге, с накладными клыками не привлёк бы лишнего внимания и в Мордоре — на Съезде орков было предостаточно, один безобразнее другого. Резиновая маска скрывала черты лица, но Диана всё равно узнала своего мужа по пружинистой походке, по особой манере двигаться.

Он подошёл к ней и слегка поклонился. Она еле заметно кивнула. Дальше они пошли вместе, и орк, ведущий под руку Владычицу эльфов, не вызвал у ролевиков никакого недоумения: юмор в Средиземье ценили.

— Что с тобой, Костя? — с тревогой спросила Диана, когда они остановились у старой груши на краю рощи, где Волков стянул резиновую орочью маску с бледного вспотевшего лица. — Ты сам на себя не похож.

— Третий месяц без Препарата, Дин, — он покачал головой. — Пришли результаты анализов. У меня рак.

— Как? — вскричала Диана, бледнея.

— Опухоль головного мозга. Третья стадия. Меня хватит ещё до зимы. Потом… всё.

Диана наклонилась вперёд и схватила мужа за руки, которые были спрятаны в перчатки с костяными наростами, и сквозь них она не почувствовала ничего — ни тепла, ни дрожи.

— Милый, используй мой Препарат! — взмолилась она, чувствуя, как пересохло во рту. — Сегодня должна прийти очередная капсула.

— Ты же знаешь, что это бесполезно, Дин.

Она знала. Препарат готовился для каждого агента отдельно. Строго по его ДНК. Любого другого человека Препарат мог убить.

— Я даже не представлял себе, что всего через три месяца без Препарата вылезет опухоль. — Он горько улыбнулся.

Некоторое время они молчали.

— Я знаю, как их найти, — произнесла вдруг Диана, глядя в глаза супруга. — Туровых. Мы найдём их. Заберём нейросеть Соляриса. Ты доставишь её Совету, и тебя вернут к оперативной работе, а заодно вернут доступ к Препарату.

Константин уставился на жену.

— Откуда ты знаешь, где они скрываются? Из-за проклятой Переменной Икс сам Вейс не может отыскать Туровых.

— Мне сообщили из Центра, — сказала Диана и грустно улыбнулась. — «Прометей» восстановлен на девяносто процентов. Вейс прописал код, который закладывает допустимые колебания Переменной Икс в формулы прогноза. Теперь он может сузить круг поиска до дюжины географических точек, где могут объявиться Туровы. Две дюжины лучших агентов Ордена вызваны в Центр для получения инструкций. По два агента отправляют в одну точку планеты для перехвата. В случае появления семейки следует сообщить в Центр, и прибудет группа захвата, — продекламировала она с интонацией консьержки, зачитывающей правила пользования лифтом. — Меня вызывают тоже.

— И ты сообщишь не в Центр, а мне? — В глазах Волкова мелькнул огонёк надежды, который тотчас сменился тревогой за жизнь супруги. — Но ведь это измена! Саботаж! Дин! Орден тебе этого не простит!

— С чего ты взял, Кость? Какая измена? Я сообщу сначала тебе, а затем — в Центр. Через шесть часов. Никакой измены. Но у тебя будет фора. Ты сможешь ею воспользоваться, чтобы первым заполучить нейросеть. Ты согласен?

Он кивнул не думая. О чём думать, когда тебе предлагают последнюю возможность продлить жизнь, вернуть здоровье, спастись?

— Постой, Дин! Шанс, что тебе достанется командировка в ту точку, которую посетят Туровы, — один из двенадцати. Такой шанс ничтожно мал!

— Координаты «Прометей» вычислит с разной степенью вероятности, Костя. Доктор Вейс, когда звонил мне, пообещал, что я буду выбирать первой, куда поеду. Я выберу координаты с самой высокой вероятностью… И напарника себе тоже подберу — агента. Возьму кого-нибудь туповатого, чтобы тот не мешался под ногами.

— Главное, несимпатичного, Дин, — тихо заметил Волков.

Она улыбнулась. Диане вдруг показалось, что ей удалось вернуть мужа с того света.

За раздвоенным стволом старого каштана, в трёх десятках шагов от груши, стоял гном. Гнома звали Торин Дубощит;

в миру — Семён Багров. В руках гном держал арбалет — боевой, неигровой; на празднике, где малыши стреляли из игрушечных луков стрелами с резинками вместо острия, настоящий арбалет был самой правдоподобной из декораций. Здесь, среди эльфов, любое огнестрельное оружие выглядело бы пошло, а арбалет — любимое оружие каждого гнома после топора или секиры.

Три месяца Багров искал Волкова. След, угасавший было в Окленде, вспыхнул снова в Матамате, и Семён незамедлительно прилетел сюда — купил билет на Съезд ролевиков-толкинистов, костюм, арбалет и три дня ходил среди хоббитов, дыша шерстью накладной гномьей бороды. Торин Дубощит, вернувшийся за своим золотом, напоминал Багрова характером: изгнанный король без трона, без свиты, с одной только обидой на дракона, пришёл, чтобы отомстить.

Телефон на Съезде был запрещён — Семён нарушил запрет. Телефон, завёрнутый в онучу, лежал в сапоге: Багров должен был иметь возможность выйти на связь в любой точке Средиземья.

Двадцать лет назад по инициативе Барина — так Семён называл Филиппа Турова — он освоил чтение по губам людей, находящихся вне пределов слышимости, — искусство, которым теперь владел лучше любого сурдопереводчика. Эльфийка и орк стояли у груши, в тридцати шагах от него. Факелы горели неровно, тени ходили по лицам, и читать по губам было неудобно. Семён жадно ловил обрывки фраз —

когда их головы поворачивались к свету. Женщина говорила что-то долго, страстно, почти умоляюще. Мужчина молчал, потом отвечал — коротко, глухо, будто каждое слово стоило ему отдельного усилия воли. Он явно был тяжело болен. Нескольких фраз Багрову хватило: теперь ему предстояло всё обдумать и скорректировать дальнейшие действия.

Орка Семён узнал сразу, ещё до того, как бывший командор Ордена стянул с головы маску. Константин Волков — человек, вознамерившийся убить Филиппа Турова, Барина. За ним он и следил последние три месяца. А вот эльфийка Багрову сначала показалась незнакомой, чужой: парик, диадема и серебристое платье делали её практически неузнаваемой. Но осанка, походка, манера держаться, мимика заставили вспомнить. Это точно была она!

Семён не видел эту женщину больше четверти века. Он искал её с того самого дня, когда поклялся отомстить за смерть Дмитрия Соломина. Женщину звали Диана Зимина, и это она двадцать восемь лет назад одним точным выстрелом оборвала жизнь Митяя — человека, которому Семён присягнул задолго до того, как научился держать в руках оружие.

Семён Багров был самым невезучим телохранителем в мире. Он охранял жизнь только двоих клиентов. И оба его босса были убиты агентами Ордена Абсолютного детерминизма.

Двадцать восемь лет Багров искал Диану, чтобы ото-

мстить за смерть Соломина. И три месяца искал Константина, чтобы отомстить за смерть Барина. В тысячах вариаций он представлял себе, как стреляет из снайперской винтовки, и каждый раз просыпался с тем особым, непередаваемым ощущением — какое, наверное, испытывает алкоголик, отказавшийся от спиртного, но всё равно смакующий его вкус во сне.

Сейчас, глядя на женщину, чья рука лежала на рукаве орка, готовая через секунду сомкнуться с его пальцами, Семён похвалил себя за отличную позицию. Тридцать шагов. Ветер — от пруда, в лицо, но болт эти тридцать шагов без проблем пролетит и против ветра. Арбалет Семён взвёл заранее, ещё под каштаном, беззвучно. Ничто, ровным счётом ничто не помешает ему прямо сейчас, одним движением указательного пальца, закрыть счёт, открытый двадцать восемь лет назад в Северодвинске. Разве что многочисленные свидетели, но кто из них хоть что-то сможет запомнить и понять? Все носят маски, грим, костюмы. Никто ничего не докажет. Скажет кто-то, что видел Торина с арбалетом, — и что? Здесь Торинов штук сорок. И у каждого второго в руках арбалет.

Семён ждал удобного случая для выстрела. Арбалет мог выстрелить только один раз: слишком много времени уходило на перезарядку. Отправляясь сюда, Багров был твёрдо уверен, что арбалетный болт предназначен Волкову. Но сейчас он решил закрыть счёт, выставленный Дианой Зиминой. А Волкова совсем скоро добьёт его болезнь, и смерть его бу-

дет ужасной и мучительной. Зачем тратить на него арбалетный выстрел?

Пусть только отойдут подальше от огней, туда, где темно, чтобы никто не увидел. А уж он-то по фигуре в серебристо-белом платье не промахнётся и в темноте.

Внезапно обе фигуры — серебристая и чёрная — тронулись от груши и остановились на границе факельного света, перед тем как разойтись в разные стороны, — так расходятся люди, договорившиеся о чём-то настолько тяжёлом, что даже прощальное объятие кажется им непосильной роскошью. Семён не спускал с них глаз. Стрелять нужно было немедленно! Арбалет был готов к бою. Указательный палец правой руки начал плавное движение к спусковому крючку. И вдруг завибрировал телефон в сапоге — коротко, настойчиво, похозяйски.

— Проклятье! — выругался шёпотом Багров, опустился на колено и запустил руку за голенище. Смартфон дрожал от вибрации.

«Отбой! Ни в коем случае не стреляй! Это приказ!»

Мертвецы не рассказывают сказок — даже в самой сказочной точке планеты. Но его второй хозяин наловчился присылать SMS даже после смерти. И он не терпел неповиновения. Даже после смерти.

Семён проводил взглядом эльфийку и орка, пока они не растворились — она в кругу факелов у таверны «Зелёный дракон», он во тьме, за холмом, у гостевых машин, — не по-

тому, что боялся упустить цель, а потому, что не знал, куда девать себя, оставшись наедине с той пустотой, которая всегда наступает после того, как не удаётся совершить давно продуманное, давно выстраданное убийство. Небо над Широм взорвалось: местный Гэндальф запустил ночной салют, и Белое Древо, сотканное из света, распустилось над холмами, над круглыми дверями, над прудом, в котором Древо дрогнуло и поплыло к берегу. Сотни голосов одновременно ахнули. Семён выразительно выругался.

— Почему нельзя, Барин? — тихо спросил он у темноты.

Ответа, разумеется, не последовало. Мёртвые астрологи не отвечают на вопросы — они только оставляют инструкции и уходят, предоставляя живым до конца своих дней гадать, что за узел те увидели в звёздном небе…

Глава 1. Снилось мне

ФРГ. Берлин.
Дата и время неизвестны…

Зал гудел, как растревоженный улей. Нет, не зал — стадион! Огромный берлинский стадион, до отказа набитый правнуками нацистов. В отличие от своих прадедов они пришли на стадион, чтобы отдохнуть, не думая ни о какой казни. Они пришли, чтобы оторваться в настоящем рубилове. И это было круто! Ирокезы всех цветов и оттенков, торчащие «ёжики», потёртые косухи, рваные майки с выцветшими буквами «О» вокруг «А». «Отрыжка Апокрифа». Наша группа собрала этот чёртов стадион.

Я не помню начала. Я не знаю, что было за мгновение до этого момента — и что за час. Но это не главное. Главное — звучит рифф, гремит так, что дрожат кости.

Ритм-секция «Отрыжки Апокрифа» выбивала примитивный, злой грув. Бум-цы-бум-цы-бум-тыщ! Звук был грязным, физическим, как удар кирпичом по рёбрам. Кувалда на своей дорогущей немецкой барабанной установке хреначил в неистовом трансе, стараясь разнести её в клочья, словно это было последнее выступление в его жизни. Гной стоял у микрофона и терзал шестиструнку — грязно и злобно. Эта злоба захлёстывала весь стадион немецких панков, которые

не понимали ни единого слова, но визжали вне себя от энергетики гитары Гноя.

Я старался не ударить в грязь лицом. Да чего там? Панки грязи не боятся. Панки рубят панк-рок. Я бил слэпом по жирным басовым струнам. На третьей местами стёрлась обмотка, но мне было пофиг.

Припев мы орали хором в микрофоны, втроём, надрывая глотки:

Обожравшись, потерять штаны,
В сериале стёбном про дебила,
И когда об этом вдруг узна-а-а-ешь ты,
Ты поймёшь — ничо не пропустила…

Немцы выли от восторга. Их реально штырило. Каверок зашёл.

После криво сыгранного «соляка» Гной, разбежавшись, прыгнул со сцены в толпу. В прошлый раз так он прыгал на сейшене в шестьсот шестьдесят шестой школе в Питере. Тогда публика разбежалась в разные стороны, и Гной с воплями воткнулся в бетонный пол, сломав руку. Здесь вышло иначе! Сытые правнуки нацистов подхватили Гноя и понесли его, словно дракар, плывущий по седому океану.

Мы с Кувалдой продолжали рубить грув. Я повернулся к барабанной установке и тряс зелёным ирокезом в такт движениям барабанщика. Я уже нихрена не слышал. Всё слилось в один сплошной гул. Приходилось дёргать струны не

на слух, а глядя на движение барабанных палочек в накачанных лапах Кувалды.

Потом пошла дымовая завеса. Дым выплыл из всех концов сцены — густой, едкий, как в аду. Он лез в глаза, царапал горло. Я уже ничего не видел и продолжал дёргать басовые струны наугад, по памяти… Пока вдруг не наступила тишина. Раз. И всё.

Я обернулся и посмотрел на армию наших фанатов.

Стадион был пуст и тёмен. Ни души. Куда они все подевались? Где Гной?

Я обернулся к Кувалде и замер — вместо него за барабанной установкой сидела странная, незнакомая женщина. Дама в немыслимо ярком красном вечернем платье. Лет тридцати. Привлекательная, но с каким-то неуловимым, незапоминающимся лицом. Нет! Я запомнил её. Но внешность её была настолько стандартной, что я никогда бы не смог её описать.

— Вот и всё, Виталик, — произнесла она, направляя на меня здоровенный чёрный пистолет. — Концерт окончен!

Раздался выстрел.

Глава 2. Наша семья

Австрия. Вена.
Сентябрь 2027 года.

Я проснулся оттого, что потолок снова начал меня бесить.

Потолок был образцовым. Слишком ровный, слишком белый, слишком чистый — не потолок, а реклама стоматологии. Для берлоги панка — позор и личное оскорбление. Как я ни старался облагородить его на свой вкус, ничего не вышло: без стремянки до потолка я доставал только плевками. Плевался мастерски, регулярно, с душой и с хорошей точностью — тут я вам не халтурщик.

Но потом, когда меня не было в комнате, приходил кто-то из прислуги… Тьфу! …и всё начисто оттирал. Как они смеют?!

Я миллион раз говорил родителям, чтобы запретили прислуге трогать мои плевки. При мне устраивали целые следственные эксперименты: выстраивали горничных в шеренгу, допрашивали с пристрастием, клялись уволить виноватую — всегда с одним и тем же результатом. Никто не сознавался. По мнению предков, мои плевки на потолке высыхают сами собой, испаряясь, как утренний туман. Чудеса, блин, праведные.

Я не хотел здесь жить. Меня тошнило от этого места. И

перед тем как сюда заселиться, я выкинул из комнатёнки под крышей всю мебель, какую нашёл в день переезда. Вышвырнул всё нафиг прямо в окно — чтоб не мешала. Кресло вонзилось в газон под окном красиво, с разворотом. Комод — так себе, комод флопнул.

Мать принялась было ругаться, но батя поддержал меня.

— Можем себе позволить, Ир. Пусть живёт так, как ему удобно, — сказал он и еле заметно мне подмигнул.

Вот за такие моменты я его и уважаю. Батя понимает: комната панка — это территория свободного мира, а не пейзажчик для журнала «Красивый интерьер».

Гамак я притащил и подвесил сам, под потолком у окна. В нём теперь и спал, оставляя шмотки и пустые бутылки на полу. Логика железная: если я разбрасываю носки и бутылки по комнате, я становлюсь Лордом Хаоса. Но потом неизбежно приходят рабы порядка и уничтожают мой творческий беспорядок. Рабы порядка — они везде. У них, наверное, собрания и профсоюз.

Прислуга… Как меня бесит это слово. Я ненавижу, когда кто-то горбатится на другого. Это неправильно! Все люди равные. Ни один человек не должен работать на другого — ни на пана, ни на олигарха, ни на «бренд». Клянусь, я согласился помогать отцу только потому, что всей душой ненавидел этих «рептилоидов» — теневое, мать его, правительство, которое захватило мир, чтобы эксплуатировать нас, правильных панков.

Я согласился сотрудничать с отцом, чтобы как следует поднасрать этим козлам. А что я получил взамен? Приходилось постоянно переезжать из города в город, следуя подсказкам и предсказаниям покойного деда Фили, который умудрился перед смертью скопировать свои нейронные цепочки на жёсткий диск компьютера и превратиться в кого-то вроде бессмертного оракула. Оракул этот умел предсказывать будущее при помощи этой, как её там… Истинной Астрологии.

— Доброе утро, внук. Тебя ждут на завтрак, — знакомый голос Филиппа прозвучал из спрятанной в стене «умной» колонки. — Аркадий, Ирина и Алиса уже завтракают, Виталий.

Это мой дед? Нет. Не дождётесь. Я не смогу заставить себя называть эту машину «дедом». Я не знал деда Филю при жизни — он сам виноват, что скрывался от нас. Конечно, он всё потом объяснил через Истинную Астрологию, мать её. Но факт остаётся фактом: с дедом мы не общались ни разу. Не заслужил я, видать, но и фиг с ним. Да, дед был астрологом. Великим астрологом, способным предсказывать будущее. Ну и что! В качестве деда он мне неизвестен. Я сейчас разговариваю с его памятью, записанной на жёсткий диск. С очень болтливой памятью, у которой на всё есть прогноз, на всё есть своё мнение. Да засунул бы он его в…

Вывалившись из гамака на пол, я принялся искать рваные джинсы, регулярно задевая пальцами босых ног пустые бутылки. Чёрт! Как же это больно! Джинсы, как всегда, ва-

лялись в углу под парой грязных носков. Хотя носки здесь всегда были новыми. Прислуга, зараза, подсовывала свежие, и мне приходилось специально пачкать их на улице, чтобы они приобретали запах настоящего панка. Иначе никак. Мир меня бесит — я адекватно отвечаю. Наношу всему миру этот самый… превентивный удар-возмездие. Я же не сошёл с ума, как сеструха.

Алиска. Да, вот Алиска совсем «кукухой» поехала — из-за своего молока на антибиотиках и этой макаронины, то есть Лапши. Лет ей, между прочим, восемнадцать — совершеннолетняя тётка! — а она разговаривает с невидимым Макаронным Монстром. А нейросеть SIDERA X она зовёт «дедушкой». Ну как так можно? Это всё равно что называть микроволновку «поваром», а пылесос — «уборщицей». Тьфу!

Натянув вчерашние носки, рваные джинсы и старательно испачканную в грязи футболку, я направился в ванную, открыл воду и уставился на своё отражение в огромном идеально чистом зеркале. Редкая щетина даже не пыталась мутировать в усы и бороду — зарослям на этой роже взяться неоткуда. Волосы отросли и торчали во все стороны, как у чучела после урагана. Зачем я сбрил ирокез? Всё из-за этой дуры! Луна, мать её так! Запудрила мне мозги. Но хрен вам! Я не домашний Виталик. Я — Витос! Моль! Бас-гитарист великой панк-группы «Отрыжка Апокрифа»! Борец с мировым правительством астрологов-рептилоидов! Когда мы по-

бедим, мне поставят памятник. При жизни. Из бронзы, чтобы бабы гладили на удачу.

Не умываясь, не чистя зубы, я нарисовал зубной пастой на зеркале знак анархии — круг с буквой «А», — любуясь, как паста медленно сползает, и спустился по лестнице на первый этаж, где застал всю свою семейку.

Батя сидел во главе длинного обеденного стола, накрытого белой скатертью и уставленного всякими блюдами. Он уже закончил завтракать, но не уходил: сидел, откинувшись, и смотрел в окно. У него был вид человека, который что-то решил, но пока не озвучил. Мать устроилась в кресле справа от него и потягивала из чашки кофе со сливками. Руки у неё были заняты чашкой, но я видел: пальцы раз в минуту сами собой поглаживают пустой карман халата, где раньше она всегда носила смартфон. Ломка. Дофаминовая, мать её, ломка. Алиска — бледная, худая — наматывала на вилку очередную вермишель, чтобы заморить червячка.

Из-под стола на меня выскочил Горшок. Подобно урагану он скакал вокруг меня, пока я не сел на один из стульев, после чего тёплым боком прижался к моему колену и замер, надеясь, что ему обломится кусок бекона.

— Доброе утро, Виталик! — поприветствовал меня отец. — Как спалось? Что снилось?

Батя всегда спрашивал про сны. Последние месяца полтора у нас в семье — это обязательный ритуал, как рукопожатие.

— Здорова, бать. Хрень какая-то снилась…

Алиска прыснула со смеху.

— Виталий, не выражайся! — строго произнесла мать и тут же, не удержавшись, проговорила тише, уже без строгости: — А что снилось? Не страшное? Про дом?

Вот в этом вся мама. Строгость — как по заказу, тревога — фоном, бесплатно и круглосуточно.

— Виталий, перескажи, пожалуйста, свой сон, если ты его помнишь, — подключилась программа SIDERA X голосом моего деда. — Это важно для анализа твоей личности. Психическое здоровье каждого члена семьи чрезвычайно важно для всех нас. А правильная интерпретация сновидений — лучший маркер для диагностики. Мы же все вместе обсуждали этот вопрос. И все пришли к единому выводу.

Да, обсуждали. Единогласно, как на съезде людей с повышенным расстройством внимания. Возразить голосу из стены может только очень смелый человек, а я на голодный желудок смелостью особой не отличался.

Пока горничная ставила передо мной тарелку с омлетом и австрийскими колбасками и наливала апельсиновый сок, я пересказал сон о сейшене на берлинском стадионе. Про то, как Гной орёт в микрофон так, что вздуваются вены, как Кувалда лупит по барабанам, как толпа ревёт, а я стою на сцене со своим басом — и тут сквозь толпу ко мне пробирается женщина в красном платье. С пистолетом. Она идёт на меня, улыбается, и очень нужно рассмотреть её лицо — а лицо не

даётся. Как будто кто-то смазал его маслом.

— Ну не могу я описать её внешность, блин! — закончил я и принялся засовывать в рот вилку с омлетом.

— Блинчики будут через две минуты, Виталий, — ответила горничная, удачно решив, что я требую подать блины.

Эту горничную звали Дарья. В свои сорок пять она носила поверх униформы дурацкий тёмный платок и смотрела на мир с таким выражением, будто мир уже много раз пробовал её разозлить — и каждый раз проигрывал. Под столом в её ногу жадной мордой упирался Горшок, потому что знал: Дарья бекон на пол роняет чаще остальных. Особенно если её как следует толкнуть. Дарья делала вид, что не замечает. Оба притворялись, и обоих это устраивало.

Я посмотрел на неё и покачал головой. Для конспирации мы заказали трёх горничных из глухой сибирской деревни. Потомки старообрядцев. Аккуратные, исполнительные, ничего не читают в интернете, потому что не пользуются интернетом в принципе. На каждую составлена натальная карта. Каждую проверили методами Истинной Астрологии: ни следов Ордена, ни криминала, ни даже лёгкого косоглазия не нашли.

— Виталик, я принял решение лететь в Питер, — произнёс вдруг отец.

Он не объявлял, не спрашивал и не советовался. Он «принял решение». С решениями у моего предка было, как с граблями в саду: ходить можно, только ступать надо акку-

ратно.

— В Питер? К дяде Гене? — оживился я. — Как он?

— Полностью восстановился. Жаждет вернуться и…

— И уже действительно пора, — перебил отца электронный голос деда. — По моим подсчётам, Орден заканчивает восстановление своих серверов. Возможности Совета Магистров возрастут кратно. Ещё две недели — и я уже не смогу вас прятать без помощи Переменной Икс.

За завтраком стало тихо. Даже Горшок перестал облизываться и сопеть. Про Орден у нас в семье говорили так, как в других семьях говорят про пожар: спокойно, коротко и с оглядкой на огнетушитель.

— А через две недели как раз фестиваль в Перу, пап. В Мачу-Пикчу, — робко напомнила Алиса. — Лапша говорит, что мы должны быть там. В образе пиратов!

— Ох уж этот Макаронный Монстр, — покачала головой мама. И добавила с плохо скрываемой надеждой: — Может, ну его, этот фестиваль? В Перу лететь…

— Ты обещал, пап! Помнишь? — Алиса умеет сделать глаза, после которых отцам остаётся только капитулировать.

— Помню, Алиска, помню. Для того я и лечу в Петербург, к Гене, чтобы всем вместе махнуть в Перу, — отец говорил так ровно, что сразу понятно: решение уже принято, переходим в фазу исполнения.

— Неужели дядя Гена и вправду Переменная Икс? — спросил я.

— Лапша говорит, что да, — ответила Алиса.

Предки мои ещё не до конца утратили связь с реальностью, а потому никак не отреагировали на слова мелкой. Просто деликатно промолчали, как на похоронах соседа, которому должны были деньги, но не успели вернуть.

А на мой вопрос ответил голос Филиппа:

— По всем моим подсчётам, Виталий, именно Геннадий является той самой Переменной Икс, которая путает расчёты доктора Вейса и всего Ордена. Он не просто невидим для Ордена. Он делает невидимыми всех, кто находится рядом с ним. Поэтому поездка на фестиваль в Мачу-Пикчу будет безопасной только в случае, если Геннадий отправится с нами.

— Да будет так, — сказал отец.

Сказал — и всё. Никаких «обсудим», никаких «а может». «Да будет так» у бати — это печать и подпись в одном флаконе. После этого тема закрыта, и открыть её может только батя.

Алиска захлопала в ладоши:

— После завтрака начну выбирать пиратские костюмы! Для каждого из вас!

Пиратский костюм? Чёрт! Я поперхнулся, прокашлялся и отодвинул тарелку из-под омлета. Тотчас рядом возникла Дарья в белоснежном переднике и поставила передо мной чашку с кофе, тарелку с блинами и пиалу с вареньем. Клубничное. Моё любимое. Всё про меня знают — значит, сле-

дят. Не могу я так. Тошно!

— А где Луна? — спросил я. Спросил — и сам себя возненавидел. Голос, Моль, что у тебя с голосом?

— Вот! Я знала! — воскликнула Алиска. — Он её любит!

— Трындёж! Не люблю!

— Лапша говорит, что любишь!

— Враньё!

— А зачем тогда спрашивать о ней?

— Интересно!

— Интересно ему? Ха-ха-ха! — сестру просто трясло от хохота. Она даже вилку на стол положила, чтобы не воткнуть себе в глаз. — Задаёт вопрос из чистого интереса!

— Луна отправилась в Перу, чтобы подготовить апартаменты к нашему приезду, — тихо произнесла мать, пользуясь тем, что горничная вышла из столовой, а Алиска прекратила хохотать.

— Значит, мы точно едем? — спросил я, отхлебнув кофе.

— Без вопросов, сын! — подтвердил отец. — Как только я вернусь из Питера с Геной…

— Аркадий, попробуй выяснить у Геннадия тайну его рождения, — произнёс голос Филиппа. — Для меня это очень важно.

— Если Галина Петровна рассказала сыну, то и Гена мне всё расскажет, думаю. А если нет — тогда…

Отец развёл руками. Развёл — и я всё понял: даже у бати есть вопросы, на которые нет ответов, и он не боится этого

признавать. Редкое качество для взрослого. Взрослые вообще не любят говорить «не знаю». Услышав сложный вопрос, они начинают выстраивать длинные запутанные предложения, чтобы спрашивающий начисто забыл, что именно спрашивал.

Мы все сошлись во мнении, что дядя Гена и есть та самая Переменная Икс. Его судьбу не мог предсказать никто: ни наша программа SIDERA X, ни программа «Прометей», которую, как выяснил Филипп, использовал Орден, и даже таинственный доктор Вейс. Но почему ни один гороскоп не видел судьбу одноклассника моего отца, простого мужика, рождённого в Ленинграде? Ответа у нас не было. Были лишь версии.

Я считал, что дядя Гена, когда служил в армии, стал участником секретного научного эксперимента и получил такую сверхспособность, как непредсказуемость судьбы для астрологов. Разве это не круто?

Алиса со мной не соглашалась. Она уверяла, что дядя Гена благословлён Лапшой на подвиги. Сам Лапша, по её словам, и поведал ей об этом. Как именно поведал, я не уточнял. Лапша вообще только с Алисой и общается. Да и то — если она не врёт.

Отец и мать своих версий не озвучивали.

SIDERA X голосом Филиппа утверждала, что дядя Гена родился не на Земле, и только по этой причине невозможно построить его натальную карту. Но мне эта версия казалась

смешной. Ну не мог же дядя Гена быть инопланетянином вроде Супермена. Мужик как мужик: щетина, водительские права, любит пельмени и блины. Мы же не в сказке живём, а в реальном мире, мать его так.

— Я прогуляюсь, пап, — сказал я, вылезая из-за стола с набитым пузом.

— Захвати с собой Горшка. Пса нужно выгуливать, — отец даже не повернул головы, а Горшок под столом уже вскочил: слышит своё имя через любой разговор, сквозь любую скатерть.

— И не трать все деньги на пиво! — вдруг произнесла Алиса, тоже вставая.

— Какие такие деньги? — удивился отец. — Ир, мы же не оставляли Виталику карманных денег. Или я чего-то не знаю?

Мы не нуждались в деньгах, но отец не разрешал детям — пускай уже совершеннолетним — носить с собой деньги. Ни на карте, ни наличными. Карту можно отследить. А наличные здесь, в Вене, запросто могли привлечь грабителей. Всё-таки Европа — опасное криминальное место, особенно если верить новостям, содержание которых нам периодически пересказывал Филипп.

— Мне тоже ничего об этом неизвестно, — согласилась мать. — Алиса, ты о чём?

Все, включая меня, уставились на младшего члена семейства Туровых.

— Лапша говорит, что Виталик сегодня получит крупную сумму денег. И всё потратит на пиво и сигареты, — Алиса пожала плечами и пошла к двери, очень довольная произведённым эффектом.

Мы все расслабились. Для сестры такое поведение было обычным. Лапша. Макаронный Монстр, который якобы беседовал с моей сестрой. Всё, что он «говорил», выдумывала сама Алиса. Обычная девчачья придурь.

— Спасибо на добром слове, Алис! — я решил подыграть сестре. Всё-таки предсказание лёгких денег добавляло оптимизма перед прогулкой в нашей непростой ситуации.

Не преминул напомнить о себе и голос «штатного астролога семьи» — деда Фили:

— Составлен прогноз на ближайшие пять часов. В транзитах по натальной карте Виталия три указания. Транзитная Луна заходит во второй натальный дом — дом личных ресурсов. Через полчаса — точный аспект с Юпитером, стоящим во втором доме. В карте Виталия Юпитер — хозяин одиннадцатого дома, отвечающего за подарки. Транзитный асцендент пройдёт по натальному Юпитеру и активирует соединение с транзитной Луной. Прогноз: чужие ресурсы через подарок или пожертвование перейдут во владение Виталика в ближайший час. Юпитер — планета изобилия. Значит, подарок будет большим. Крупным.

Вот умеет же машина испортить праздник. У Алисы Лапша «просто сказал», а у деда — какие-то «дома», «транзи-

ты», «аспекты» и чёртов «асцендент». Результат, подозреваю, будет одинаковый. Это и бесит.

— Деньги — это хорошо, — кивнул отец. — А угроз жизни никаких нет?

— В этой сфере всё чисто, Аркадий. Безопасно вполне.

— Отлично! Виталик, можешь идти гулять. И раз уж всё равно найдёшь деньги — можешь позволить себе пиво, но много не пей.

Отец не спорил с прогнозами SIDERA X. Они всегда сбывались, работали как часы. Истинная Астрология почти никогда не допускала ошибок. Этим пользовались астрологи Ордена. Этим пользовались и мы, чтобы прятаться от убийц Совета Магистров. Чаще прогнозы были негативными, но мы успевали — нет, не избежать их, а обойти, отсрочить, растянуть негативное влияние транзитного аспекта по времени. Изменить негативный прогноз невозможно. Его можно лишь перенести во времени или подвести под удар другого человека. А вот удачному прогнозу, который непременно должен был сбыться, я мог только искренне порадоваться.

Но то, что прогноз Алисы совпал с прогнозом нейросети, созданной нашим дедом, вызвало удивление. И не только моё. Алиса же сделала предсказание, не вникая ни в один из этих «тринов», «квадратов» и «рецепций». Алиса просто так ляпнула. И если её прогноз подтвердится, это будет что-то с чем-то.

Глава 3. Прогулка в парке с питбулем

Натянув старые кеды поверх рваных носков, я вышел во двор и свистом подозвал рыжего питбуля.

Свист у нас с Горшком — не просто свист. Это официальная церемония открытия. Горшок выскочил из будки с кондиционером, где заканчивал приготовления к прогулке (да, у пса в этом доме условия лучше, чем у меня в комнате), разогнался, затормозил всеми четырьмя лапами, как трамвай, у которого вырубили электричество, и принялся прыгать вокруг меня, стараясь играючи обхватить клыками моё запястье. Я разрешил ему это, морщась от боли. Так мы здоровались. Не спрашивайте. Нормальные семьи жмут руки, мы — обмениваемся укусами. Ритуал есть ритуал: главное, что не до крови.

После приветствия я надел на него намордник и ошейник с поводком, и мы вышли за ворота на узкие улочки Вены.

Горшок не любил поводок. Он видел в каждом незнакомце двуногую игрушку. Может, даже не игрушку, а ужин. Или завтрак. Не всегда, а лишь тогда, когда был голоден. Накормила ли его сегодня завтраком прислуга? Проклятье! Опять это галимое слово! Нет никакой прислуги. Есть товарищи по борьбе с бытом. Все люди — братья! Вот переборем этих

рептилоидов из Ордена, и свалю я нафиг из этой безумной семейки на вольные хлеба. Найду Кувалду и Гноя, воссоздадим «Отрыжку Апокрифа», ударим панк-роком по бездорожью и разгильдяйству.

Питбуль бежал впереди, всё сильнее натягивая поводок. Приходилось прилагать усилия, чтобы сдерживать его. Отец предложил захватить с собой пса не просто так. Батя переживал за меня из-за агентов Ордена, которые могут поджидать за каждым кустом. Бойцовская собака помогла бы мне выиграть время, чтобы сбежать, — учитывая хитрый намордник, который отстёгивался одним движением. Горшок в этой схеме был живым брелоком с тревожной кнопкой. Только кнопка кусалась.

По дороге к Дунаю — а мы попёрлись через парк — Горшок успел провести сенсационную социологическую работу. Пожилая австрийка, увидев его, перекрестилась, переложила бумажный пакет с продуктами в дальнюю от Горшка руку и ускорилась так, будто собиралась сдавать норматив на мастера спорта. Двое смуглых парней у выхода из парка, которые ещё секунду назад о чём-то живо спорили, синхронно развернулись и отошли подальше. Один из них сказал что-то вроде «wallah». Горшок шёл мимо всех с мордой пса, который спешит по важным делам и никого не боится: уши торчком, грудь колесом, взгляд — «а ты кто такой, давай, до свиданья». Псу явно нравилось быть грозой района. Внутри он был плюшевым дурашкой, который обожал ли-

зать руки, но снаружи — сорокакилограммовый снаряд, натренированный на бросок в горло.

Такой у него расклад: для меня — весельчак и обормот, для чужих — знак «проезд запрещён». И я этим пользуюсь, чего уж скрывать.

Разумеется, мы жили не в центре города. Луна нашла этот огромный частный дом на окраине Вены, в квартале коттеджей, в пяти минутах ходьбы от Дуная. Собственно, именно к реке мы с Горшком и направились. Я планировал побросать в воду палки, чтобы пёс поплавал и как следует набегался. Зверюге нужно поддерживать себя в хорошей форме. Вдруг придётся кого-то из рептилоидов догнать.

До набережной оставалось не больше трёх минут пути, когда за углом, уже на венской улочке, послышался какой-то шум. Горшок моментально собрался: уши вперёд, спина струной — и потянул меня в ту сторону, пока не скрылся за углом дома. Поводок зацепился за стену, из-за которой доносился хриплый, злой лай моего питбуля. Я обежал угол и увидел картину, которая меня огорошила: трое парней арабской внешности запинывали в переулке какого-то деда в чёрном пальто. Дед лежал на земле, закрывая руками голову и прижимая колени к животу. Горшок стоял в трёх шагах и лаял так, что с крыши сыпалась штукатурка, но они не обращали на пса никакого внимания, очевидно приняв лай питбуля за одобрение их действий.

Мой первый порыв — пройти мимо. Отец настойчиво

просил меня не лезть на рожон, не привлекать к себе внимания. Орден. Убийцы. Все дела. Но с другой стороны, мне представилась уникальная возможность совершить хороший поступок и одновременно повеселиться. Такой шанс я просто не мог упустить. Добро и развлечение редко ходят в паре, а тут — комплект.

— Фас! — во всю глотку крикнул я, одним движением отстёгивая намордник и поводок.

Горшок помчался к арабам, и те бросились от него сломя голову. Пёс двигался огромными скачками, очевидно намереваясь поиграть с этими «милыми незнакомцами». Они бежали наутёк, раззадоривая Горшка. В догонялки, мои медленные двуногие друзья? Значит, в догонялки! Горшок держал их ровно на полкорпуса позади себя — ни на метр ближе, ни на метр дальше. Классика жанра, собака-профи. Крики арабов и лай Горшка удалялись за углом.

Я подошёл к старику в чёрном и протянул руку, чтобы помочь подняться.

— Гутэн таг, — произнёс я, использовав практически весь свой запас немецкого языка. Дальше по программе шло только «айн брóй, битте».

— Данке, юнге манн, — ответил старик, поднимаясь на ноги.

Я внимательно разглядывал мужчину. Лет под семьдесят. Седые непослушные волосы. Морщины — глубокие, но какие-то бодрые: похоже, они достались ему от смеха, а не от

усталости. Бородка на подбородке. Худой, как скелет. Высокий лоб, впалые щёки. Он достал из кармана очки в чёрной роговой оправе, протёр платочком, нацепил на нос. Затем отряхнулся, провёл руками по чёрному одеянию, разглаживая складки, и стал поправлять белый воротничок. Двигался он при этом на удивление легко. Так двигаются не в семьдесят лет. Так двигается человек, который с утра подтянулся на турнике — и готов бежать марафон.

— Священник, что ли? — спросил я сам себя.

— Вы правы, молодой человек, — по-русски, но с явным акцентом, ответил мужчина. — Я священнослужитель. Католик. Можете называть меня отец Каспар.

— Откуда вы знаете русский?

— Я родился и долго жил в Восточной Германии, сын мой. ГДР. А там русский преподавали в школах. И весьма неплохо преподавали… Всего я владею пятью языками. Языки — это моё хобби, так сказать, маленькая слабость.

— Пятью? — я присвистнул от удивления. — А зачем? Цифровые переводчики же есть.

— Машина переводит слова, сын мой. Но не смысл, — Каспар улыбнулся одними уголками губ. — А я коллекционирую смыслы. Пять языков — пять окон в один и тот же мир. За каждым окном чуть разный пейзаж.

Я не понял ни слова, но звучало красиво. Умно.

И тотчас послышалось пыхтение. Из-за угла выскочил Горшок, держа в зубах кусок джинсовой ткани — очевидно,

чью-то штанину. Трофей. Пёс нёс его гордо, как солдат знамя, и явно ожидал по этому поводу оваций.

— Милый пёсик, — улыбнулся священник, наклонился и смелым движением погладил питбуля. Погладил по загривку, крепко, по-хозяйски.

Я заметил что-то странное в его глазах. Что? Отсутствие страха? Бойцовская порода пса не пугает священника, которого только что едва не забили насмерть? Он не отскочил, не отдёрнул руку, не спросил «а он не кусается». Просто погладил. Может, он всё ещё в шоке?

— Вы можете не бояться Горшка. Он хороший, — зачем-то ляпнул я, застёгивая ошейник, но намордник надевать не стал. — Вот. Так лучше. Чего им от вас было нужно?

— Господь Отец наш испытывал меня, сын мой, — священник перекрестился.

Я покачал головой. Ну да, ну да. Господь испытывает, а испытуемые платят щедрую церковную «десятину». Почему не наоборот? Почему не бывает так: пришёл в церковь, причастился, исповедовался, а тебе священник ещё денег дал — на новые грехи? Нагрешишь — снова придёшь и снова исповедуешься. Так у священников всегда будет работёнка, а тебе жить не скучно.

— Давайте мы вас с Горшком проводим, что ли. А то тут на улицах Вены небезопасно. Европа всё-таки. Мигранты, криминал. Дикие места.

— Буду премного благодарен, сын мой…

Такое обращение почему-то резануло мне слух.

— Не называйте меня так, отец. Зовите просто — Виталик.

— Виталий? Жизнеспособный? Отлично. Договорились… Нам в эту сторону.

Он повёл нас с Горшком по вымощенной брусчаткой улице мимо свирепо поглядывавших на нас смуглых мигрантов. Они кучковались вокруг и сверлили нас взглядами. Но суровый вид Горшка, который шёл рядом без намордника, с прищуром, заставлял арабов держать себя в руках.

— Позволите поинтересоваться, чем занимается мой спаситель? И я сейчас не об Иисусе Христе нашем говорю, аминь, — священник перекрестился.

Вопрос застал меня врасплох. Я едва не ляпнул, что только тем и занят, что сражаюсь с мировым правительством. За счастье народное бьюсь, так сказать, да.

— Музыкант я. Бас-гитарист, — нашёлся я.

Старик улыбнулся и согласно закивал:

— Как интересно! А вы, Виталий, не бывали на концертах в ночных клубах Вены? У нас тут прямо сейчас проходит фестиваль панк-рока. Во времена моей молодости в ГДР панк-движение было весьма популярно, хотя по-своему, по-домашнему: полуподвально, по-соседски. Зато теперь оно вновь набирает силу, и это радует. Молодость должна шуметь. Кто в молодости не шумел — тому в старости не о чем будет рассказать внукам.

Членам семьи Туровых было запрещено пользоваться смартфоном. Существовала вероятность, что адепты Ордена смогут вычислить нас по исходящему трафику, по нашим запросам. Из средств связи каждый из нас носил с собой брелок с тревожной кнопкой в виде «пуговицы», чтобы передать сигнал опасности Филиппу либо получить сообщение от нейросети, что опасность рядом и нужно немедленно уходить. Только у отца был одноразовый телефон, с помощью которого он мог полноценно общаться с Филиппом. При этом через Филиппа осуществлялось всё наше общение. Например, если Луна присылала мне сообщения из Перу, то сначала их получал Филипп, и только потом я. Если, конечно, хотел.

Какие-то скучные новости о политике или об Ордене нам периодически зачитывал Филипп. По этой причине я не следил за тем, что происходит в мире музыки. Нейросеть отвечала на любые вопросы, могла поддерживать беседу на любую тему, могла предсказывать будущее — но не рассказывала новости, чтобы мы не беспокоились. Филипп, вернее SIDERA X, объяснял это тем, что мы можем подсесть на дофаминовую зависимость от ожидания новостей. Такие хитрые гормоны счастья вырабатывает мозг, когда человек достаёт смартфон, чтобы пролистать новостную ленту. От этой зависимости больше всех страдала мать. Мне же просто не хватало новостей из панк-рока.

— Вы как панк… э… старой закалки, олдскульный панк,

должны понять меня, — я попытался улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. — Я не пользуюсь смартфоном, интернетом. Я лабаю дома на басухе. Для себя. Под пивас. Мне большего-то и не нужно. Хотя сейшен — это круто.

— Так вы приходите, Виталий! Обязательно! Сегодня в клубе неподалёку будет выступать группа вроде бы ваших соотечественников. Как там она называется? «Отрыжка Апокалипсиса»?

По спине пробежал холодок. Знакомое название, слишком знакомое, только… Я почему-то сразу обратил внимание на то, что священник не перекрестился, произнеся столь скверное словцо, как «отрыжка». Хотя до этого крестился на каждом втором слове. Слева направо: лоб, пуп, часы, кошелёк. Католик!

— Апокрифа, — тихо поправил я.

— Да, Виталий, точно! «Отрыжка Апокрифа». Я с их творчеством не знаком. Но сегодня планирую посетить концерт… Приходите и вы! А вот, кстати, мы и пришли.

Я был уверен, что святой отец приведёт нас в католический храм. Но мы остановились у небольшого серенького домика с резными украшениями. На массивной тёмной двери было изображено позолоченное распятие.

— Вот здесь моя скромная обитель, Виталий. Благодарю, что проводили, — произнёс Каспар, останавливаясь у дверей.

— Не за что. Будьте здоровы.

Я развернулся, собираясь вести Горшка к реке, но священник спросил:

— Вы верите в Бога?

Внезапно! Я повернулся, оказавшись лицом к лицу со священнослужителем, и как на духу ответил:

— Нет, не верю. Но, — я постарался сделать многозначительную паузу, — непременно пересмотрю своё убеждение, если мне кто-то прямо сейчас подарит купюру в пятьсот евро.

Естественно, я помнил предсказание Филиппа и слова Алисы. Луна во втором доме… Или что-то в этом духе. Про халявные бабки через полчаса. А примерно столько времени и прошло. Вот я и ляпнул такое, чтобы пивка вечером хлебнуть за здоровье родителей. Может, с суммой переборщил, но святого отца мои слова ничуть не смутили. Он не хмыкнул, не покачал головой, не прочитал мне лекцию о бескорыстной вере. Он просто запустил руку в карман своего одеяния и извлёк оттуда свежую купюру — ровно пятьсот евро. Ровно столько, сколько я попросил.

— Слава Господу, что сегодня мы вернули в лоно нашей матери-церкви ещё одну заблудшую душу, — произнёс священник, протягивая мне деньги.

Купюра была новенькая, хрустящая. Как будто он нарисовал её утром. Как будто ждал от меня именно этого вопроса.

В тот момент я ничего такого не думал. В тот момент мне казалось, что я нашёл верный способ разбогатеть и ни дня

при этом не работать. В голове уже выстраивался хитрый бизнес-план: ничего не делать, жить по кайфу. Главное — чаще встречать священников с деньгами. А у священников непременно должны водиться деньги: они же служат Господу. И если служат добросовестно, честно, от души, Всемогущий Господь непременно наполнит карманы своих служителей купюрами с высоким номиналом. Логика? Логика!

Подмигнув святому отцу, я взял евро, запихнул в карман и пошёл восвояси, утягивая за собой питбуля, которого к дому святого отца внезапно повлекло с неведомой силой. Почему? Отчего? Я не знал. Горшок упирался, пёр как танк, тянулся прямо к двери с распятием, нюхал порог и смотрел на меня снизу вверх с явным недоумением: как можно отсюда уходить?

— Горшок, к ноге, собака сутулая! — крикнул я, уволакивая пса прочь от дома Каспара.

До набережной Дуная мы добрались без приключений. По дороге заглянули в местный алкомаркет. За прилавком стоял темнокожий продавец с дредами — из местных, из австрийцев. Сквозь дреды тянулись красные, зелёные и жёлтые нити. Увидев Горшка, продавец очень аккуратно, не делая резких движений, забрался на табурет, на котором до этого сидел, и поинтересовался на немецком, чего мне угодно.

Я принялся объяснять ему на английском про «бир», «чикен» и так далее. Горшка пришлось вывести из магазина и привязать у входа, чтобы смуглый австрийский дредоносец

набрался смелости собрать всё, что мне было нужно, и выложить это на прилавок. Пока я затаривался пивом, закусью и сигаретами, продавец на ломаном английском рассказывал, что его религия запрещает употреблять алкоголь. Поэтому он и его единоверцы расслабляются иначе: на период отпуска возвращаются на родину и каждому встречному рассказывают, как богато, сытно и красиво они живут в Австрии. Где находится родина продавца, я так и не понял: мои познания в английском оставляли, да и оставляют, желать лучшего.

Когда весь требуемый товар оказался на прилавке — литров пять пива, сухарики, куриные чипсы и две пачки сигарет, — продавец пододвинул ко мне терминал для безналичной оплаты. Я ухмыльнулся с видом человека, который не держит медь в карманах, и положил перед ним пятисотку. Он побледнел и заверещал:

— I don't have any change!

Зашибись! Сытая Европа, а продавец не может дать сдачу с пятисотки. Куда катится этот мир?

— And what should we do now?

Вспомогательные глаголы будущего времени я помню неплохо, особенно для первого лица. И потому сформулировал фразу вроде «и что мы теперь будем делать?». Хотелось добавить что-то вроде «нигга», но в последний момент я удержался. Улица воспитывала меня плохо, но не настолько.

Продавец выгреб из кассы всё, что там было: немногим

больше двух сотен евро. Оставалось найти ещё примерно столько же. Он задумался, побегал глазами по магазинчику, потом притащил откуда-то ожерелье из ракушек с затейливой побрякушкой, изображающей то ли дракона, то ли оленя. Смотря с какого боку смотреть: с одного бока — дракон, с другого — олень, а с третьего — вообще непонятно что.

— Let's do it without cash. Take this talisman. For good luck.

Продавец обошёл прилавок и собственными руками нацепил мне на шею этот талисман, приговаривая что-то вроде «good, very good, my friend».

Он явно пытался впарить мне какую-то хрень за двести евро. Это напомнило мне историю о том, как за стеклянные бусы европейцы купили у индейцев остров Манхэттен. Только я в этой сделке почему-то играл за индейцев. Но что мне оставалось делать? Что легко пришло, пусть легко и уйдёт. В знак согласия со сделкой я кивнул, забрал сдачу, ожерелье, пакет с пивом, закусью и сигаретами и вышел на улицу, проклиная себя за идиотизм.

Горшок сидел привязанный у входа в алкомаркет и выл от одиночества. Вой у него был фирменный, с переходом на фальцет, как будто он в этот момент вспоминал всех кошек, которые от него ушли. Увидев меня, он прекратил выть, радостно завилял хвостом и принялся прыгать вокруг меня, насколько позволяла длина поводка. Артист. Оскар ему в номинации «лучшая мужская роль в жанре трагедии».

Затем я сидел на берегу Дуная, курил сигарету за сигаре-

той и швырял в речную воду палку. Горшок, похрюкивая от радости, прыгал в реку, доплывал до палки и приносил её мне в зубах. Нырял он, как бегемот: сначала разгон, потом большой «бульк», потом только круги по воде. Выходил из воды на лапах, отряхивался обязательно так, чтобы брызги летели на меня, и делал вид, что ничего не понимает. Каждый раз, когда я бросал палку в воду, я делал глоток отменного австрийского пива. И ровно такой же глоток делал, когда видел, что Горшок доплыл до палки и возвращается ко мне. Купался пёс довольно долго. Бутылку пива я употребил не одну. Я выпил их все. Все пять литров пива.

В общем, домой я пришёл изрядно захмелевшим. Хорошо хоть не приполз. Если бы полз, со стороны казалось бы, что это не я выгуливаю Горшка, а Горшок ведёт домой своего домашнего питомца.

Вручил поводок кому-то из слуг — кажется, Дарье или Наталье, не важно — а сам направился в дом. Мне хотелось обсудить с батей встречу с этим Каспаром, которого я так ловко развёл на бабки. Но оказалось, что отец уже уехал в аэропорт. Возможно, к лучшему: отец бы сразу понял, насколько сильно я пьян. Пришлось бы опять орать, строить из себя взрослого и самостоятельного. Вместо этого я заплетающимся языком пожаловался матери, что смертельно устал, стараясь говорить в сторону и выдыхать носом, чтобы она не учуяла перегар. От ужина отказался: обожрался снеками и упился пивом. Держась за перила, я поплёлся по лестнице

наверх, к себе на чердак.

Проходя мимо комнаты сестры, расположенной на втором этаже, я невольно остановился. Мне показалось, будто сквозь приоткрытую дверь я вижу Алису в позе «лотоса» на коврике для йоги. Удивило меня не это — в позе «лотоса» она приноровилась сидеть уже второй месяц. Удивил огонь, который она держала на ладони прямо перед собой. Самый настоящий огонь. Как пламя свечи, вот только самой свечи не было. Только парящий над ладонью огонь. Клянусь! Он не дрожал, как от дыхания. Он просто горел на ладони.

— Что за фокусы, Алис? — пробубнил я.

Огонёк тотчас погас. Не моргнул, не дрогнул — погас, как будто его выключили из розетки. Сестра с осуждением обернулась и уставилась на меня. Затем звонко щёлкнула пальцами правой руки, и дверь сама собой захлопнулась. По щелчку.

— Умный, мать его, дом! До чего всё-таки техника дошла! На лыжах! — я высказал всё, что пришло в ум, и пошёл дальше. Что-то бормотал про умные дома и умных сестёр. Бормотал я, честно скажу, не очень складно.

Наверху я забрался в свой гамак, качнулся раз-другой, подумал, что сейчас прилетят «вертолёты», перевернулся на живот так, чтобы голова свисала вниз. «Вертолётов» не было. Меня вырубило.

Глава 4. Мама-анархия

Перед глазами кружилась бесконечная чехарда образов, напоминающая сломанный калейдоскоп. Сосредоточиться не удавалось ни на чём, и становилось очевидно: с потреблением пива нужно срочно завязывать. Парадоксально, но в этом напитке так мало витаминов, что для восполнения дефицита приходится пить его литрами. Однако последствия такого подхода редко бывают приятными.

Пробуждение оказалось мучительным: собственный крик застрял в горле, так и не сумев вырваться наружу. Комната давила теснотой, духотой и липким потом. Голова гудела тяжёлым колоколом, а во рту пересохло настолько, будто всю ночь я жевал раскалённый песок. В висках пульсировала боль, отдаваясь эхом в черепе. Проклятое австрийское «крафтовое» пиво, которое считалось качественным, ударило по голове с тяжестью кузнечного молота, хотя выпито было относительно немного — литров пять. Не иначе как подсунули фальшивку. У австрийцев, наверное, вместо пивоварен химзавод. Я подам жалобу, когда проснусь окончательно.

Первой мыслью стало желание посетить с дружеским визитом унитаз — моего верного помощника и опору в бесконечных философских размышлениях. Второй — утолить жажду. Третьей — хоть как-то унять гулкую боль в затылке.

С чудовищным грохотом я вывалился из гамака на холодный пол и на четвереньках добрался до двери, где мне удалось занять вертикальное положение. Коридор утопал во мгле, и было так тихо, что я слышал собственное дыхание и стук капающей воды где-то внизу — возможно, лишь мне слышный. И храп Горшка. Пёс спал в холле у батареи и храпел, как оркестровая тарелка — этот звук я различил мгновенно, потому что он впечатывался в голову, как бас в ночном клубе.

На ощупь найдя ванную на своём этаже, я включил свет. Унитаз сверкал стерильной чистотой, гостеприимно ожидая посетителя. После того как физиологические потребности были с честью удовлетворены, голова начала понемногу проясняться, но жажда лишь усилилась, словно внутренний демон вылакал всю влагу из организма и теперь требовал немедленной добавки. Первую волну жажды я утолил, припав к умывальнику и напившись водопроводной воды. Что может быть лучше для истинного панка? Разве что вода из лужи или палёная водка.

Притупив острую потребность в питье, я пополз вниз по лестнице, впиваясь пальцами в перила и стараясь не включать свет, чтобы никого не разбудить. Стены этого дома были гладкими и дорогими, а перила из тёмного лакированного дерева скользили под руками. Спускаясь, я мечтал лишь об одном: добраться до кухни, сделать глоток чего-нибудь крепкого или пенного — главное, ледяного, — а затем вернуться в гамак, чтобы меня никто не трогал до самого обеда.

Кухня располагалась на первом этаже, за столовой. За две недели проживания здесь я выучил каждый угол наизусть, ориентируясь даже с закрытыми глазами, в пьяном угаре и среди ночной тьмы. Дорогущий огромный холодильник работал почти беззвучно, но я уловил его вибрацию, открыл дверцу и вытащил бутылку минеральной воды. Запотевшее бутылочное стекло приятно холодило ладонь. Это было именно то, что требовалось сейчас. Приложив бутылку к губам, я залпом влил в себя половину содержимого. Холодная солоноватая влага потекла по подбородку, за воротник футболки, принося долгожданное облегчение.

Вторую половину я выпил гораздо медленнее, стоя посреди кухни и всматриваясь в тёмное окно. За ним возвышался высокий забор с воротами, а дальше простиралась спящая Вена. Фонари горели тускло, где-то вдали проехала машина, и звук её мотора растворился в ночной тишине.

Поставив пустую бутылку на пол — чтобы не навлечь на дом беду пустой тарой на столешнице, — я уже собрался вернуться наверх, когда услышал отчётливый хлопок входной двери. Звук был негромким, но ясным — такой можно услышать, когда кто-то выходит из дома или входит в него, стараясь остаться незамеченным. Я замер, чувствуя, как душа уходит в пятки. Кто-то ходит по дому ночью. Кто-то, кто не желает быть услышанным.

Первая ассоциация возникла мгновенно: убийцы Ордена! Нужно было позвать Филиппа. Крикнуть, нажать на тревож-

ную кнопку брелка, орать «Филипп, подъём! Шухер!» — что угодно. Но я не позвал.

Не знаю даже почему. Возможно, потому, что был пьян и не хотел, чтобы мать увидела меня в таком состоянии. А может, решил, что SIDERA X и без моих воплей контролирует ситуацию идеально: датчики нейросети активны, астрологические прогнозы для каждого члена семьи Туровых составлены и перепроверены сотни раз компьютером, который никогда не ошибается. Никакая опасность не могла нам угрожать, иначе бы мы уже знали об этом. И если всё так надёжно, какой смысл бояться?

Я подошёл к входной двери. Она оказалась приоткрытой, образуя щель шириной с ладонь, из которой тянуло холодом ночного воздуха, улицы и свободы. Я выглянул наружу.

На лужайке у самых ворот стояла Алиса. На ней были джинсы и кожаная куртка, которую я раньше на ней не видел. Волосы собраны в хвост, лицо бледное и серьёзное. Она смотрела куда-то за ворота и разговаривала с кем-то по ту сторону ограды. Голос её звучал тихо, почти неразличимо, но в нём слышалась какая-то чуждость. Так разговаривает не моя сестра. Так разговаривает человек, которому дали чужой голос на время и сказали: «Пользуйся, пока я не вернусь».

Я приоткрыл дверь чуть шире и высунулся на улицу.

— Алиса? — позвал я шёпотом.

Она не обернулась. Либо не услышала, либо сделала вид, что игнорирует мой зов. Я смотрел на неё, чувствуя, как

внутри просыпается нечто худшее, чем страх. Предчувствие. То самое ощущение неизбежности ужаса, когда понимаешь, что ничего изменить нельзя.

Алиса без единого скрипа открыла калитку в воротах и уверенно вышла на улицу. Я не стал раздумывать. Надел кеды и пошёл за ней.

Ночная Вена встретила меня холодом и звенящей тишиной. Фонари горели через один, отбрасывая на асфальт длинные, искривлённые тени, похожие на силуэты чертей, беснующихся на безумной вписке семиклассников. Я шёл по безлюдной улице, ощущая, как ночной воздух проникает под футболку, щекоча кожу. Алиса шла впереди, метрах в тридцати, не оборачиваясь. Её шаг был быстрым, но размеренным, как у человека, знающего свою цель. Так ходят сорокалетние старики, а не восемнадцатилетние девчонки, беседующие с воображаемыми друзьями.

Свернув за угол, я увидел, как сестра входит в тёмную дверь какого-то неприметного здания. Если бы я не знал, что внутри моя сестра, то прошёл бы мимо этого мрачного строения. Дверь была тяжёлой, обитой железом, с маленьким окошком на уровне глаз. Над ней не было ни таблички, ни номера — только граффити: череп с ирокезом и надпись «FUCK THE SYSTEM».

Я толкнул дверь, которая оказалась незапертой, и вошёл внутрь. Темнота и грохот обрушились на меня сразу с порога. Живая, рваная музыка била по мозгам: жирный, злой и

примитивный бас; барабаны, стреляющие как из пулемёта; гитара, визжащая словно бензопила. Стоя в дверях, я моргал, привыкая к полумраку и пытаясь найти силуэт Алисы. Постепенно начали проступать детали: небольшой зал, битком набитый людьми, низкий потолок, опутанный трубами и проводами, плакаты легендарных панк-групп на стенах — «Sex Pistols», «The Clash». Под ногами хлюпал грязный пол, к которому липли подошвы. Пахло пивом, потом и тухлой рыбой. Нормальный, рабочий, честный запах. Мой родной, только грязнее.

Толпа состояла из своих: люди с ирокезами всех цветов радуги, в косухах, рваных майках, украшенные цепями и булавками. Лица выражали злобу, веселье или пьяное забытьё. Я искал Алису, но она растворилась в сомкнувшейся вокруг толпе. Исчезла, как капля в бочке пива. Секунду назад была — и нет.

Я стал пробираться сквозь толпу, пока не увидел сцену. Маленькая, низкая площадка в углу зала. На ней выступали трое. Барабанщик, гитарист и басистка.

Я замер, узнавая знакомые фигуры. Барабанщик — здоровый, как шкаф, с плечами косой сажени и руками-окороками — яростно лупил по установке, будто стремился уничтожить её. Палочки мелькали в воздухе, как крылья хищной птицы. Его красное потное лицо выражало сосредоточенную злобу. Это был Кувалда. Мой старый кореш. Он бил по барабанам так, как будто бил молотом по всем несправед-

ливостям мира сразу.

Рядом стоял худой, жилистый гитарист с длинными волосами, закрывавшими половину лица. Он орал в микрофон так, что вздувались вены на шее, а гитара в его руках издавала звуки, напоминающие стоны и рычание раненого зверя. Это был Гной. Наш величайший гитарист всех времён и народов. Особенно когда трезв. Точнее — только когда трезв, он и способен играть на гитаре. А трезвым я его не видел ни на одной репетиции. Никогда.

А между ними играла девушка. С зелёным ирокезом, в чёрной кожаной жилетке с глубоким декольте. Её пальцы легко и уверенно бегали по толстенным струнам бас-гитары. Она улыбалась, наслаждаясь моментом. Она была на своём месте. Вернее — на том месте, которое всего полгода назад было моим.

Внутри меня начало закипать что-то горячее и злое. Кулаки сжимались сами собой, зубы скрипели от бессильной ярости. Гной закончил партию, повернулся к залу и принялся плеваться в фанатов. Панки плевали на Гноя в ответ. Он отрывался, а я сходил с ума от злости, пока не понял, что Гной смотрит прямо на меня. Он разинул пасть и уже что-то мне орал, но я не слушал. Одержимый желанием начистить морды этим козлам, этим предателям, которые променяли меня на бабу, я рванул вперёд, сквозь толпу, к сцене. Расталкивая плечами пьяненьких австрийцев и наступая кому-то на ноги, я слышал за спиной ругань на немецком, но

не оборачивался. Перед глазами была только сцена, только мой бас, только эта девка с зелёным ирокезом. Мне хотелось вскочить туда и…

Двое мощных охранников заметили мой манёвр и бросились мне наперерез. Мне было плевать. В состоянии такой ярости я готов был уложить их обоих, лишь бы добраться до предателей и устроить справедливую расправу. Я был так близок, но…

Крепкая рука жёстко схватила меня за плечо и рванула назад с такой силой, что я остановился, будто налетев на кирпичную стену. Обернувшись, готовый к драке, я замер в изумлении. Передо мной стоял Каспар. В том же чёрном одеянии, с белым воротничком и круглыми очками в роговой оправе. Но теперь он не выглядел старым и немощным. В его позе читалась опасность, а рука, державшая меня, обладала силой, несвойственной пожилому человеку. Рука была как тиски. Как подъёмный кран. Как приговор.

— Не нужно, Виталий, — произнёс он тихо, но его голос пробился сквозь барабанное соло Кувалды, который разогревал фанатов перед очередным хитом. — Это не то, что тебе сейчас требуется.

— Отпусти, — прошипел я. — Это моя группа. Я должен быть на своём месте!

— То есть сейчас ты считаешь, что находишься не там, где должен? — святой отец улыбнулся. — Ты уверен в этом?

Он отпустил моё плечо, но остался рядом, наблюдая вме-

сте со мной за сценой. Кувалда, казалось, не замечал моего присутствия. Гной что-то кричал барабанщику, указывая пальцем в мою сторону. Девушка с ирокезом продолжала играть и улыбаться.

— Они не вернулись из Берлина в Питер, — глухо произнёс я. — Они не развалили нашу группу, а обосновались в Вене. А вместо меня… она.

Я кивнул в сторону басистки. Когда-то у меня тоже был зелёный ирокез — правда, жалкий «ёжик», напоминавший ёршик для унитаза. Так меня, собственно, и называли дядя Гена и Луна. Едва перед глазами возник светлый образ любимой девушки, как я бешеным усилием воли отмахнулся от воспоминаний. У новой басистки волосы были пропитаны лаком так сильно, что в профиль она реально напоминала зелёного дикобраза.

— Да, Виталий, — кивнул священник. — Они остались в Европе. А на место баси́ста взяли Марту Штафф, немку, с которой познакомились в том… э… заведении, куда попали вместо офиса популярного лейбла. Приход Марты стал новой вехой в истории «Отрыжки Апокрифа». Группа месяц назад обрела невиданную популярность в Европе.

— Но почему? Мы же должны были лететь в Европу вместе! На месте этой самой Марты должен быть я.

— Друзья предают, — сказал Каспар, глядя на сцену. — Это жизнь. Ты думал, что панк — это дружба? Нет. Панк — это одиночество. Каждый сам за себя.

— Замолчи, — прошептал я.

— С другой стороны, иногда самые непримиримые враги становятся друзьями, — продолжил он, игнорируя мою реакцию. — Пути Господни неисповедимы, Виталий.

Я посмотрел ему в глаза. Холодные, внимательные, они словно видели меня насквозь, зная все мои мысли и чувства, даже те, что я скрывал от самого себя. Так смотрит рентген.

— А откуда вы всё это знаете? Про Берлин, про Гноя и Кувалду? — Смутные сомнения терзали меня, разрывая на части, как того двойника Ивана Грозного из старого советского фильма, что показывают каждый Новый год.

Священник многозначительно улыбнулся и указал рукой на столик у стены.

— Будьте моим гостем, молодой человек, и я всё вам расскажу. Не желаете ли пива?

От вопроса я поморщился, но согласно кивнул. Какой же панк откажется от халявы? Мы прошли к столику и уселись на добротные деревянные табуреты. Тотчас подбежала официантка, нашпигованная пирсингом, как гусь — яблоками, выслушала заказ на немецком и исчезла в толпе, чтобы через минуту поставить передо мной литровую кружку светлого нефильтрованного пива и тарелку с вяленым лещом.

— При нашей утренней встрече, Виталий, я честно признался, что с уважением отношусь к новому панк-движению, — начал Каспар. — Я частенько бываю в этом пабе и знаком практически с каждым посетителем…

— Нафига?

— Я общаюсь с заблудшими душами и призываю их вернуться в лоно Святой Церкви.

— Допустим, — кивнул я. — А «Отрыжка»? А мои корефаны? Предатели! Тьфу!

— Неделю назад мне попалась книга, написанная вашим гитаристом, Эдуардом Чебурашкиным, известным под творческим псевдонимом «Гной». Там подробно описано, как вы втроём создали группу в Санкт-Петербурге и репетировали в неотапливаемом гараже в лютый мороз. Как вас пригласил в Берлин известный лейбл, но приглашение оказалось «липой»: кто-то разыграл вас. Кувалда и Гной попали в некое злачное место, где и познакомились с Мартой…

Каспар кивнул в сторону бесновавшейся на сцене басистки.

— А про вас, Виталий, в книге написано, что старый басист группы, Моль, пропал без вести: после прощания в аэропорту Пулково музыканты потеряли с вами связь. Я прочитал эту историю семь дней назад. И мне в голову не могло прийти, что Господь сведёт меня с пропавшей без вести звездой панк-рока.

Я смотрел на священнослужителя, чувствуя, как отвисает челюсть. «Отрыжка» стала популярной? Я пропал без вести? Я стал звездой панк-рока?

Стоп! Я едва не подавился лещом.

— Гной написал книгу? — до меня наконец дошло. —

Как? Он же двух слов связать не может, не ввязав между ними ноту «ля»!

— В наш век, Виталий, нет ничего невозможного, — флегматично произнёс Каспар. — С Божьей помощью и хорошей нейросетью любой человек способен написать книгу. Вопрос лишь в том, найдётся ли читатель, способный оценить сие творение. Нейросети становятся всё умнее и могущественнее, заменяя алгоритмами волю человека, уродуя вкусы, демонтируя культуру и дебилизируя молодёжь. Иногда заблудшее дитя Господа начинает больше доверять искусственному интеллекту, чем здравому смыслу, советам близких или Священному Писанию. Сомневаюсь, Виталий, что использование нейросетей является богоугодным делом.

Музыка оборвалась — точно так же, как в моём сне, где вместо Кувалды за барабанами оказалась женщина в красном платье. Слова Каспара о нейросетях прозвучали в наступившей тишине, подчёркивая их смысл. Как эти слова мог воспринять тот, чья сестра общается с нейросетью, называя её «дедушкой»? Про Лапшу я вообще молчу.

Зал взорвался аплодисментами. Богатырским глотком я допил пиво и поставил пустую кружку на грязный стол. В пабе можно ставить пустую тару на стол — здесь суеверия не работают. Гной что-то заорал в микрофон — вероятно, обычный для него набор матерных слов, разобрать которые было невозможно. Кувалда завершил выступление серией ударов по тарелкам. Девушка с ирокезом сняла с плеча жут-

ко фонившую бас-гитару и подняла её над головой, как трофей. От гула аппаратуры закладывало уши у всех в зале. На лице Каспара отражалась боль, пока звукооператор не вырубил усилители.

Я смотрел на музыкантов «Отрыжки Апокрифа» сквозь разноцветные ирокезы фанатов. Когда-то мы были друзьями, корешами, братанами, а теперь…

— Мне показалось, что Эдик Чебурашкин только что заметил вас со сцены, Виталий, — предупредил Каспар. — Сейчас они будут вас искать. Надеюсь, вам есть что сказать своим коллегам…

Мне стало не по себе. Пять минут назад я был готов разорвать их прямо на сцене на куски, но теперь понял: это не они меня кинули. Это я их подвёл, оставив группу без басиста. Да и музыка «Отрыжки» стала лучше без меня. Проклятая девица на басу играет лучше меня раз в сто! А я был слабым звеном, тянувшим команду вниз. Якорем фиговым был! Только отвалился — коллектив раскрылся!

— Я не готов с ними общаться, — я вытер пахнущие рыбой руки о джинсы, поднялся со стула, наблюдая, как закончившие выступление Гной и Кувалда спрыгнули со сцены и начали пробираться ко мне через толпу. — Всего хорошего и спасибо за рыбу.

Он развёл руками:

— Как пожелаете, молодой человек. Вон там пожарный выход. Вашим друзьям скажу, что вы ушли через основной

вход. Если захотите поговорить — вы знаете, где меня найти. Да хранит вас Господь.

Я что-то промычал в ответ, развернулся и бросился к выходу, одновременно выковыривая из зубов застрявшую там кость леща. Мне казалось, что я слышу раскатистый бас Кувалды, орущего моё имя:

— Моль! Ты где, Моль?!

Не оборачиваясь, я прорывался к двери. Нет, я не готов с ними базарить. Надо побыть одному.

Вывалившись из клуба на мрачную улицу Вены, я увидел, что уже начало светать. На улицы вышли дворники, туда-сюда проезжали машины, и всё. Я шёл домой, засунув руки в карманы, опустив глаза и спрятав язык за зубами.

Калитка в воротах оказалась приоткрытой. Я прошёл во внутренний двор, захлопнул калитку и проверил ворота — они были заперты. Подошёл к входным дверям и приложил палец к сканеру отпечатков. Дверь тихо отворилась, пропуская меня внутрь.

— Как прошёл концерт? Надеюсь, обошлось без происшествий, Виталий? — произнёс голос Филиппа на минимальной громкости.

Я замер. Я не говорил, куда иду. Но чего я удивляюсь? Это же нейросеть, которая знает будущее и прошлое!

— Всё пучком, Филипп, — пробурчал я, стягивая с ног кеды.

SIDERA X следила за всем, что происходило в доме. То-

тальный контроль. Тошный, но необходимый для выживания семьи. Или для нахождения семьи в рабстве? Как там говаривал тот священник? Заблудшее дитя начинает больше доверять ИИ, чем близким. А что, если SIDERA X не защищает, а порабощает семейство Туровых? Отец и мать полностью ей доверяют, а Алиса называет нейросеть «дедушкой»…

Стоп! Алиса!

— Фил! — позвал я.

— Да, Виталий…

— Моя сестра уже вернулась?

— Вернулась? В каком смысле? Алиса никуда не выходила из дома с ужина. Прямо сейчас она в своей комнате. Судя по показаниям датчиков, спит.

— Не может быть!

— Чего именно не может быть? — поинтересовался голос нейросети.

Я хотел рассказать о том, как спустился на кухню, увидел сестру во дворе и пошёл за ней до самого паба. Но если Алиса всё это время была дома, значит, мне она привиделась. Точно так же, как тот бесовской огонёк на её ладони. Муть. Надо срочно бросать пить!

— Ничего! Забей! У тебя же сохранилась запись с камер видеонаблюдения?

— Разумеется.

— Отлично! Завтра на экране покажешь мне…

— А что именно желаете увидеть?

— Синяк на голени, — соврал я первое, что пришло в голову. — Хочу посмотреть, где я ногой так звезданулся.

— Нет никаких проблем, Виталий. Завтра можно посмотреть после завтрака.

Я поднялся наверх, забрался в гамак и уставился в потолок. Спать не хотелось — хотелось думать. Но мысли путались, как провода под потолком в том дурацком клубе.

Я думал о том, что Алиса всё-таки была там, в клубе. Я видел, как она вошла, но потом она исчезла. Где она была? С кем говорила? Почему ушла ночью тайком? Почему нейронка утверждает, что Алиса всё это время была дома? Сестра как-то хакнула «деда»? Или я действительно пью слишком много пива?

— Филипп, — позвал я тихо.

— Слушаю, Виталий.

— Когда отец и дядя Гена должны приехать?

— Завтра, вернее, уже сегодня, в семнадцать сорок.

— Ясно! А Луна? Сообщения от неё были?

— Были. Специально для тебя. Тридцать семь непрочитанных сообщений. Зачитать?

Я выругался.

— Не стоит. Всё потом. Разбуди меня… к обеду…

Перед сном я успел пощупать ожерелье из ракушек, приобретённое в алкомаркете, которое решил носить, не снимая, успел подумать о словах Каспара, о взгляде Гноя, узнав-

шего меня в толпе. О девушке с зелёным ирокезом, которая играла на басу явно лучше меня. Намного лучше. Я думал о том, что моя жизнь — дерьмо. Что я променял судьбу Сида Вишеса на непонятную хренотень. Что я получаю взамен? Разве это борьба с мировым правительством? Нет. Последние полгода я просто бегу от чего-то, чего не понимаю. Прячусь от кого-то, кого не знаю. Я — пешка в чужой игре. Марионетка в руках нейросети. Раб компьютера. Чёртов Нео, застрявший в чудовищном мире Матрицы.

За окном всё больше светало. Я закрыл глаза и провалился в сон.

Глава 5. Опять сегодня

Ирина Турова, стоя посреди огромной спальни, тянула молнию на небольшом чемоданчике мужа. Только ручная кладь, чтобы не платить за багаж.

— Ты уверен, что не хочешь взять нормальный чемодан? Деньги-то теперь есть. — Ирина выпрямилась и обхватила себя за плечи, точно ей вдруг стало холодно. — В Питере может быть прохладно…

— Ир, не начинай! В Питере двадцать шесть градусов, не замёрзну. Ты же знаешь, как я не люблю путешествовать с багажом. Будто кто-то руку всё время оттягивает.

Аркадий метался между высоким дубовым шкафом и широкой кроватью, проверяя и перепроверяя одно и то же: деньги, документы, билеты, деньги, документы, билеты. Обычно спокойный и собранный, сейчас он спотыкался, ронял вещи, чертыхался сквозь зубы и поминутно поглядывал на часы.

За огромным панорамным окном, выходившим во двор, их сын Виталик выводил на прогулку пса. До слуха доносился звонкий, заливистый лай Горшка.

— Ты уверен, что это безопасно? — Ирина подошла к мужу и положила руки ему на плечи.

— Филипп, подтверди прогноз моей поездки на историческую родину! — резко произнёс Аркадий, не поднимая го-

ловы.

Из колонки на тумбочке раздался голос — синтезированный, гладкий, но до боли знакомый: с интонациями покойного Филиппа Турова, отца Аркадия.

— Аркадий прилетит в Пулково, доберётся до города на такси — оно уже заказано, — затем посетит квартиру Геннадия на проспекте Ветеранов и вместе с товарищем вернётся сюда. Расчётное время на всю поездку — не более двадцати часов. Вероятность успеха прогноза: девяносто восемь целых четыре десятых процента. Вердикт: поездка безопасна.

Ирина отвернулась к окну. В смутном отражении она с трудом узнавала себя: усталая, с глубокими резкими тенями под воспалёнными глазами, с нервно сжатыми, побелевшими губами. Когда-то она была яркой, смеющейся, живой — на неё оборачивались мужчины. Теперь — просто мать в осаждённой крепости, с потухшим взглядом и дрожащими руками.

— Я не об этом, — тихо, почти шёпотом, сказала она. — Я о том, что ты оставляешь меня здесь. С ними. Одну.

— С Алисой, — мягко уточнил Аркадий. — И с Виталиком. Который, если верить прогнозу Филиппа, опять вернётся пьяный в стельку, и ничего мы с этим поделать не можем. Истинная Астрология, Ир, — это тебе не шутка.

Ирина вздохнула — тяжело, сдавленно. Спорить не хотелось. Последние дни, особенно после отъезда Луны, любые разговоры о сыне заканчивались одинаково: глухим, раздра-

жённым молчанием Аркадия и её собственной беспомощностью. Виталик пил. Виталик огрызался. Виталик жил на чердаке, в гамаке, как бродячий кот, которого приютили из милости, — плевал в потолок, и она, мать, отмывала этот потолок шваброй, пока сына не было дома. А стоило попытаться достучаться — по-настоящему, по-матерински, — как натыкалась на стену. Глухую, непробиваемую.

— Я о другом, — Ирина понизила голос до шёпота, хотя нейросеть слышала всё. — Вчера вечером. Я проходила мимо гостиной. Алиса сидела у камина.

— И?

— Огонь, Аркадий. Она щёлкнула пальцами — и огонь вспыхнул. В камине. Яркий, рыжий, живой. Без спичек, без зажигалки. Просто… щелчок. И вспыхнуло пламя.

Аркадий замер. На одно короткое, ускользающее мгновение в его глазах мелькнуло что-то — страх? беспокойство? — но исчезло, сменившись привычной маской спокойствия, будто он задёрнул штору.

— Тебе показалось, — произнёс он как можно убедительнее. — Наш камин автоматический, разжигается от кнопки на пульте. Алиса любит прикалываться. Ты же знаешь. Она ещё ребёнок.

— Ей восемнадцать лет, — машинально поправила Ирина.

— Знаю, — отмахнулся Аркадий. — Она наш ребёнок, Ир. Странный, да. Но ребёнок. А вот Виталик — взрослый

мужик, который напивается до чёртиков и шляется ночью по Вене. За ним глаз да глаз нужен. За ним, не за ней.

Ирина хотела возразить. Хотела рассказать, как дочь смотрела на огонь — не с детским восторгом, а с холодным, оценивающим, почти взрослым спокойствием. Как в другой раз дверь в её комнату закрылась сама — без сквозняка, без ветра. Как Алиса иногда говорила чужим голосом — глубоким, вязким, словно из-под воды, из другого мира.

Но Аркадий уже отвернулся и застёгивал ремень сумки. Не слушал. Не хотел слушать.

— Филипп присмотрит за всеми, — бросил он через плечо. — Он обещал.

Из колонки снова раздался голос — словно Филипп услышал своё имя:

— Присмотрю.

Она вздрогнула всем телом — до кончиков пальцев ног. Аркадий ничего не заметил: он уже спускался по лестнице с чемоданчиком.

Внизу, у приехавшего такси, он поцеловал жену в щёку — сухо, торопливо.

— Я вернусь завтра. С Геной. Всё будет хорошо.

— Передавай ему привет, — сказала Ирина, и голос предательски дрогнул, сорвался на хрип. — Гене.

Аркадий улыбнулся — тепло, по-настоящему, впервые за утро.

— Передам.

Дверь закрылась — тяжело, с глухим стуком. Ирина осталась в прихожей, слушая, как затихают шаги по гравийной дорожке, как хлопает дверца такси, как машина уезжает в сторону аэропорта.

Тишина. Гулкая, давящая тишина. Она ненавидела тишину.

Все эти месяцы что-то сдерживало её. Не приказы Филиппа — приказ можно обойти. Не страх перед Орденом — страх давно притёрся и стал фоном, как старые обои. Удерживали руки Аркадия на её плечах, его голос, его вечное «проверь ещё раз». Его присутствие было страховочным тросом, который её и держал. Теперь троса не было.

Они учились в одном классе — она, Гена и Аркаша Туров. Оба смотрели на неё тогда по-разному, но в то же время одинаково.

Она выбрала бы сама. Впервые в жизни — сама. После выпускного, с белой лентой через плечо, она согласилась: да, пойдём, посидим на набережной, как ты весь месяц предлагал, Гена.

Чуть позже он позвал её на первое настоящее свидание, и она с радостью согласилась. Она прибежала домой, чтобы переодеться в лучшее летнее платье, — а дома вместе с её родителями уже сидел Аркадий с тортом «Прага».

Мать плакала и повторяла: он из хорошей семьи, Ирочка, из очень хорошей семьи. Отец пожимал плечами, но всё твердил: Аркадий Туров — лучшая партия для неё. Саму

Иру не спросил никто — ни отец, ни мать. Спросили только в ЗАГСе, когда они с Аркадием пришли ставить подписи.

— Согласна?

— Согласна! — ответила Ирина, ещё не представляя, какое будущее её ждёт. Она вышла замуж. Вернее — её выдали замуж.

Гена прождал её два часа на набережной, а после исчез. Только спустя годы Ира узнала, что Гена ушёл в армию, прошёл все «горячие точки», потом работал коллектором — пока однажды холодным зимним питерским вечером не узнал в должнике, которого должен был ликвидировать, своего школьного друга — Аркадия Турова.

А теперь Аркадий сам летит через пол-Европы, чтобы привезти Гену в этот дом. Жизнь умеет смеяться над людьми.

А голос Филиппа Турова — гладкий, синтетический — теперь жил в стенах этого дома и объявлял вердикты: «Поездка безопасна». «Телефон не дам». Небо сказало.

Ирина встряхнулась. Хватит. Давнишнее пусть лежит на своём дне.

— Филипп, — позвала она, поднимаясь в кабинет мужа. Ноги были ватными, тяжёлыми. — Филипп, ты меня слышишь?

— Всегда, — отозвалась колонка, вмонтированная в стену кабинета. — Что тебе нужно, Ирина?

Она села в кресло — то самое, где обычно сидел Аркадий,

— положила руки на колени, как примерная ученица. Сердце бешено стучало.

— Сейф. В стене за картиной. Там мой телефон.

Пауза. Долгая, звенящая, ледяная.

— Нет.

— Филипп…

— Нет, Ирина. Мы обсуждали это. Телефон — это окно. Орден отслеживает сигналы. Ты сама знаешь, чем это закончится.

— Я знаю, — она подалась вперёд, вцепившись в подлокотники так, что побелели костяшки. — Знаю, что полгода назад, в Питере, я не выпускала его из рук. Знаю, что дочь тогда выпила своё любимое молоко — весь пакет, — а я лежала рядом и скроллила ленту. Знаю, что кома, реанимация, капельницы — это из-за меня, из-за моего телефона, из-за того, что я не смотрела за ней. И только осознав, что Алису можно было упустить… навсегда, я разжала пальцы и оставила его на полу детской. Знаю, что я почти справилась. Но, Филипп… — голос сорвался на отчаянный, сдавленный шёпот. — Я схожу с ума. Здесь. Без новостей, без связи, без ничего. Я не могу. Просто не могу. Я задыхаюсь.

— Ты нужна семье. Собранной. А не с телефоном в руках.

— Я нужна семье? — Ирина усмехнулась — горько, зло, с надломом. — Алиса со мной не разговаривает. Виталик меня не замечает. Аркадий уехал. Я здесь одна. Совсем одна. И ты хочешь, чтобы я просто сидела и смотрела в стену? День

за днём? Пока не сойду с ума окончательно?

Нейросеть молчала. Долго. Мучительно.

— Я прослежу, чтобы ты не сделала глупостей, — наконец произнес Филипп. — Но телефон не дам. Это не обсуждается.

Ирина поднялась — медленно, с прямой спиной, с гордо поднятой головой, с тем достоинством, которого уже не чувствовала.

— Хорошо, — сказала она ровно. — Ты прав. Мне телефон не нужен. Я самодостаточна и… счастлива.

И вышла из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

Наталья, одна из трёх горничных в доме, была тихой, невзрачной женщиной лет сорока — с бесцветными, будто выгоревшими волосами и привычкой передвигаться бесшумно, как тень. Людей в дом брали только проверенных: русских, вывезенных из глухой сибирской деревни, умевших не задавать вопросов. Наталья была из таких. Ирина никогда не обращала на неё внимания. До сегодняшнего дня.

Она нашла Наталью на кухне: та нарезала овощи, напевая что-то себе под нос, и длинный нож ритмично постукивал по деревянной доске.

— Наталья.

Женщина обернулась, вытирая руки о фартук.

— Да, госпожа?

— Твоя очередь сегодня идти за покупками? — Ирина говорила громко, чуть скучающим голосом хозяйки, которой

лень ехать самой. — Купи мне мороженого, свежего крем-брюле. И вот ещё список — по мелочи. Вот деньги.

Она протянула несколько купюр и сложенный вчетверо листок. О крем-брюле было сказано вслух. Всё остальное существовало только на бумаге, мелким, но разборчивым женским почерком: новый смартфон, последняя модель; симкарта к нему, которую нужно оформить на паспорт Натальи; достаточное количество наличных; приобрести всё в другом районе; телефон не включать, а принести и передать хозяйке строго в руки; и — ни слова никому.

Пауза — едва заметная. Потом Наталья резким движением взяла купюры и записку и спрятала их, не считая, в карман фартука.

— Сию секунду отправляюсь, госпожа. Только переоденусь.

Наталья не задала ни одного вопроса. Только кивнула — и исчезла так же бесшумно, как появилась.

К вечеру всё было готово.

— Я лягу, — сказала Ирина, поднимаясь к себе, голосом человека, у которого действительно раскалывается голова. — Не беспокой меня до утра.

— Как скажешь, Ирина, — отозвался Филипп.

Она заперла дверь спальни и развернула пакет. Новый телефон оказался точно таким, как старый, только лучше — быстрее, ярче, легче. Ирина взяла его дрожащими руками, точно святыню, точно запретный плод. Сняла плёнку, щёлк-

нула лоток, установила сим-карту.

Экран загорелся — ослепительный в полумраке комнаты. Значки, уведомления, приложения. Целый мир, запертый в куске стекла и металла.

На самом краешке сознания шевельнулся страх: сигнал. Пеленг. Орден. Она сглотнула и задвинула этот страх, как задвигают штору. Пусть ищут. Это её. Единственное, что у неё осталось.

Она открыла браузер.

Сначала — новости. Политика, экономика, катастрофы. Она листала быстро, жадно, не вчитываясь, наслаждаясь самим ощущением потока, движения, жизни за пределами этого дома. Потом — соцсети: лента пестрела фотографиями, статусами, чужими жизнями. Ирина смотрела на улыбающихся людей, на закаты и кофе, на котов и детей и чувствовала, как медленно расслабляется мышца, которую она держала напряжённой месяцами. Потом — звёзды: сплетни, скандалы, премьеры. Она всегда любила эту глянцевую, поверхностную, но такую притягательную сторону чужой славы — развод актрисы, новую песню певицы, скандал в Каннах.

Мир сужался до размеров экрана. Тревога уходила — тихо, незаметно, как вода сквозь пальцы. Алиса с её странностями. Виталик с его алкоголизмом и хамством. Приезд Гены и Аркаши — двоих мужчин из другой, несостоявшейся жизни, выбрать между которыми ей никто так и не дал. Всё это становилось далёким, неважным, почти нереальным.

Здесь, в ленте, её никто не выдавал замуж. Здесь она выбирала сама — что читать, кого слушать, куда смотреть. Палец двигался сам: вверх, вниз, вверх, вниз.

Когда в дверь постучали, Ирина успела сунуть телефон под подушку. В спальню заглянул Виталик — вернулся не то с прогулки, не то из бара; от него несло перегаром, как от трудовика из той самой питерской школы, где когда-то учились все трое — она, Гена, Аркаша. Но матери было не до запахов: волшебный мир скроллинга ждал её под подушкой. Не хочет ужинать? Ну и не надо. Взрослый уже. Сам разберётся.

После его ухода Ирина тотчас вернулась к ленте и не заметила, как за окном стемнело и дом затих.

В другой раз дверь открылась уже без стука.

Ирина подняла голову — медленно, точно выныривая из глубокого вязкого сна. На пороге стояла Алиса: бледная, почти прозрачная, в длинной белой ночной рубашке, с распущенными тёмными волосами.

Восемнадцатилетнюю дочь в этой семье по-прежнему считали ребёнком — и первой была сама Ирина. Так само собой вышло: Алиса верит в Макаронного Монстра, разговаривает с Лапшей — воображаемым другом, — просит на ужин макароны, обязательно с сыром, и молоко. Любимое, фермерское, то самое, что им привозят с частного подворья: обычное, магазинное, ей нельзя — в нём вредные для неё антибиотики. А любимого — ровно один стакан в день. Боль-

ше нельзя. Никогда больше нельзя.

— Мама.

Ирина моргнула. Экран светился в полумраке — гипнотический, единственный источник света в комнате.

— Что? — рассеянно отозвалась она. — Что ты сказала?

— Я хотела спросить… — Алиса сделала шаг в комнату, беззвучно, как призрак. — Мне приснилось. Странное. Макаронный Монстр, мой Лапша, — но не только он. И голос. Другой, незнакомый голос. Он сказал…

— Подожди, солнышко, — Ирина подняла палец, не отрывая глаз от экрана. — Тут такое… Дай мне минутку. Пожалуйста.

Алиса замолчала. Стояла, смотрела, как мать листает ленту: новости, фото, комментарии. Минута прошла. Потом вторая. Третья. Пятая.

— Мама.

— Ммм?

— Мама, посмотри на меня.

Ирина вздохнула — раздражённо, нетерпеливо, не отрываясь от телефона.

— Алиса, я же просила. Подожди. Я почти закончила.

Дочь опустила глаза. Долгую секунду стояла неподвижно. Потом медленно, очень медленно, поднялась в воздух. Босые ступни оторвались от пола — сантиметр, два, не больше. Ночная рубашка колыхнулась, будто от невидимого ветра. Глаза были закрыты.

В ту же секунду внизу, на первом этаже, коротко и жалобно зашипела колонка. Экран в руках Ирины дрогнул: кадр ленты рассыпался серыми полосами и собрался вновь.

Но Ирина не видела.

Она смотрела на экран: там молодая певица демонстрировала новое платье — блестящее, короткое, с глубоким вырезом. Ирина читала комментарии, улыбалась, скроллила дальше.

Алиса отплыла назад — медленно, беззвучно. Опустилась на пол у двери. Открыла глаза: в них не было ни обиды, ни злости. Только пустота. И ещё что-то — древнее, холодное, чужое. Что-то смотрело из глубины этих глаз — и это что-то не было ребёнком.

— Ладно, — сказала она тихо. — Пока.

Дверь закрылась сама.

Ирина не заметила.

Она листала ленту — звёзды музыки и кино, фотографии, видео, заголовки. Мир, который не имел к ней никакого отношения, но в который она проваливалась, как в трясину: медленно, сладко, безвозвратно.

Экран светился. Пальцы скользили по стеклу. Время исчезло.

Глава 6. Бесы

Раз за разом я прокручивал в голове воспоминания.

Вот я выхожу ночью во двор и вижу Алису. Она разговаривает с кем-то, кого я не вижу, потом открывает калитку и выходит на улицу. Я иду за ней по ночной Вене — мимо фонарей, мимо теней. Она сворачивает за угол и входит в дверь, расписанную черепом с ирокезом и надписью «FUCK THE SYSTEM». За дверью — паб, панк-фестиваль, со сцены грохочет моя «Отрыжка Апокрифа». Алиса стоит на сцене и поёт, а Гной, Кувалда и немка Марта ей аккомпанируют. Потом — выстрелы. Баба в красном из берлинского сна — теперь она в другой одежде, с фотоаппаратом вместо пистолета — закрывает Алису от пули. Закрывает своим телом. Падает. Кровь. Я бегу к ним, но понимаю: не успеваю…

И тут я просыпаюсь в гамаке. За окном утро, солнце бьёт в глаза. И я вспоминаю: вчера Филипп заверил меня, что Алиса после ужина никуда не выходила и, судя по датчикам, спит.

Но я же шёл за ней! Я был в том пабе, видел Гноя и Кувалду, слышал, как Алиса поёт, — хотя она петь не умеет совсем. Медведь ей не то что на ухо наступил — он там танцевал с медведицей, пока у них медвежата не появились.

Я попытался вспомнить звук, запах — и не смог. В памяти остались только картинки, как фильм без звука. Будто кто-

то вырезал из воспоминания всё лишнее.

Я стал перебирать ночь по частям. Помню, как надел старые кеды с протёртой подошвой. Не помню, как завязывал шнурки. Не помню, как выходил за ворота. И как вернулся — не помню вообще. Будто кто-то вырезал кусок ночи: аккуратно, без боли — раз, и нет.

Ладно. Допустим, пьяный бред, галлюцинация. С пьяными бывает. Но я не пил столько, чтобы видеть огонь на ладони сестры.

Огонь на ладони. Не во сне — вчера, в её комнате. Я стоял в дверях, а Алиса сидела на коврике для йоги, и над её ладонью висело живое пламя. Потом она щёлкнула пальцами, и дверь захлопнулась сама, без сквозняка. Я тогда списал всё на «умный дом». Но умный дом не зажигает огонь на ладони. И взгляд у неё был тогда странный: холодный, взрослый, чужой. Не Алискин.

А что, если это была не Алиса? Что-то, что притворялось ею? Вспомнились слова Каспара: заблудшее дитя Господа больше доверяет искусственному интеллекту, чем здравому смыслу. А что, если SIDERA X не защищает, а контролирует? Мысль была слишком страшной; я пытался её отогнать — не вышло. Занозой она сидела во мне.

Я снова лёг. Потолок над гамаком был чистым, ровным, чужим. Здесь я не хозяин, а жилец. Временный. Лордом Хаоса я был в своей питерской конуре под крышей.

С ужасом я понял, что не могу вспомнить, как выглядит

мой дом в Питере. Квартиру. Свою комнату. Помнил, что она была, что там было что-то важное, что-то любимое, — но что именно, не помнил.

Вот тут мне стало по-настоящему страшно. Не за Алису, не за родителей — за себя. Если я не помню собственного дома, то кто я такой? Виталик Туров? Моль? Или кто-то, кому сказали: «Ты — Виталик Туров», — а он поверил?

Я зажмурился. Хватит. Я просто устал, я просто много выпил. Я просто я.

Я открыл глаза. Потолок на месте. Гамак на месте. Я на месте.

В голове творился винегрет: старые воспоминания стирались, новые накладывались, и где кончаются одни и начинаются другие, не разберёшь. Надо с кем-то поговорить: с отцом, с Луной, с кем угодно, только не с Филиппом. Хватит прятать одиночество за общением с искусственным интеллектом!

И Луна. Тридцать семь сообщений — и ни одного ответа. Даже не прочитал. Гордый панк? Нет, просто трус. Моль летит на свет и обжигается.

Старик-священник из всех взрослых один не пытался меня переделать. Забавно: в моём личном рейтинге доверия поп обошёл нейросеть. Что со мной происходит?

Я закрыл глаза. Гамак качается. Я чувствую это. Я здесь. Я существую. Не сдамся. Может быть, уже сегодня я начну искать ответы.

* * *

Меня разбудил не голос Филиппа. Меня разбудила мать. Она трясла меня за плечо — грубо, отчаянно, с той силой, которая появляется у людей на грани паники. Я вынырнул из сумасшедшего сна, как утопающий из тёмной воды, и первое, что почувствовал, — это холод. Не тот приятный утренний холодок, а промозглый, липкий, будто кто-то открыл все окна в доме разом.

— Виталий! Виталий, проснись! Немедленно!

Я разлепил глаза. Мать стояла надо мной, сжимая край моего гамака так, что костяшки пальцев побелели. Лицо у неё было серым — не бледным, а именно серым, как старая простыня, которую забыли в стиральной машине. Волосы растрёпаны, глаза расширены. На ней был помятый халат поверх ночной рубашки. Я посмотрел вниз и понял, что случилось что-то плохое: мать прибежала в одном-единственном тапке.

— Мам, какого чёрта? Который час?

— Алиса, — выдохнула она и затараторила. — Дверь в её комнату не открывается. Я стучала. Кричала. Ничего. И этот… этот звук…

Я прислушался.

Сначала я ничего не услышал. Только своё сердце, которое после сна, после литров пива, залитых в меня накануне, стучало тяжело и неохотно, как старый дизельный двигатель. Но потом… да. Услышал.

Гул.

Низкий, вибрирующий, на самой грани слышимости. Он шёл не откуда-то сверху или снизу. Он шёл отовсюду. Из стен, из пола, из потолка. Как будто сам дом начал тихо, угрожающе гудеть, как гигантский трансформатор, набитый чем-то живым.

— Слышишь? — прошептала мать. — Он начался примерно час назад. Сначала тихо. Я думала — показалось. А теперь…

Я выпрыгнул из гамака неожиданно для себя ловко. Голова гудела — не только от этого чёртова звука, но и от вчерашнего пива. Во рту был вкус помойки. Каким пойлом потчуют посетителей панк-фестиваля в Вене? Скверным! Но сейчас было не до этого.

— А Филипп? — спросил я, натягивая вчерашние джинсы. — Он что, не видит?

— Филипп… — мать запнулась, и в её глазах мелькнуло что-то, от чего мне стало по-настоящему не по себе. — Я звала его. Раз десять. Он ответил только один раз. Сказал: «Перезагрузка». И всё. Больше ничего. Молчит. В серверной мигают зелёные и жёлтые лампы. Я не понимаю, что происходит.

— В смысле — перезагрузка? Нейросеть, которая видит будущее на пятьдесят лет вперёд, сказала «перезагрузка»?

— Я не знаю! — она повысила голос, потом испуганно оглянулась, будто боялась, что гул может её услышать. — Я

спустилась вниз. На кухне никого. Гостиная пустая. Я позвала Дарью, Наташу, Марфу. Никто не отозвался. Их нет, Виталий. Просто нет.

Я замер, застёгивая ремень.

— Как — нет?

— Так! — мать всплеснула руками. — Входная дверь заперта. Я проверяла. Замок защёлкнут изнутри. Но никого, кроме нас, нет. И этот гул… — она вдруг всхлипнула. — И Горшка нет! Ни пса, ни подстилки! В холле пусто, будто собаки там никогда и не было. Я весь дом обошла. По всем комнатам!

У меня внутри что-то оборвалось. Горшок. Рыжий, с белым пузом, сорок килограммов хорошо натренированных костей. Дурачок, который лизал мне руки и выл у входа в алкомаркет от одиночества. Пёс, который никогда не молчал, если в доме происходила движуха.

Я прислушался снова. Гул стал громче. Определённо громче. Он уже не просто висел в воздухе — он заполнял его, давил на уши, на грудь, на виски. От него хотелось зажать голову руками и завыть.

— Похрен, — сказал я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё сжималось от какого-то нехорошего предчувствия. — Похрен. Где Алиса?

— Я же говорю — дверь! — мать схватила меня за руку, и её пальцы оказались ледяными. — Я стучала. Кричала. Она не отвечает. И дверь… она как будто… заперта не просто на

замок. Я не знаю, как объяснить. Она не поддаётся. А ещё я видела, как она зажгла камин щелчком пальцев…

Я вспомнил вчерашний вечер. Алиса на коврике для йоги. Огонь над ладонью. Самый настоящий огонь. Потом она щёлкнула пальцами, и дверь захлопнулась. Потом — клуб, где её не было, хотя я был уверен, что видел, как она туда зашла. Потом — слова Филиппа о том, что она всё время была дома. Какая-то хренотень!

А теперь — гул. Перезагрузка. И дверь, которая не открывается.

— Мам, — медленно произнёс я. — Ты сказала, что видела, как она… ну, камин. А ещё что?

Мать посмотрела на меня так, будто я только что произнёс вслух то, о чём она боялась даже думать.

— Я видела, как она летала, — прошептала она. Голос сорвался. — В спальне. Я была занята… В общем, думала о том, что приготовить на ужин для Аркадия… Алиса зашла ко мне без стука, словно хотела поговорить, спросить что-то, но я не слушала её. Мне так стыдно. И мне показалось, что она… она парила. Над полом. Глаза закрыты. Она не вышла из спальни, Виталий. Она улетела. Улетела!

Алиса хотела поговорить с мамой. А мама в это время была занята. Слишком занята. Но разве это самое важное? Чёрт! О чём я думаю? Мать сказала, что Алиса… улетела! Я почувствовал, как по спине пробежали мурашки, а волосы на затылке зашевелились.

— Ты уверена?

— Я не сумасшедшая! — выкрикнула мать, и в её глазах блеснули слёзы. — Я видела! Она летала! И этот гул… и дверь… и Филипп молчит…

Она замолчала, тяжело дыша. Потом добавила, уже тише:

— Я не знаю, сколько сейчас времени. Я не понимаю, утро это или день. Часы в гостиной стоят. В прихожей — стоят. Телефон… — она запнулась. — Телефона у меня нет. Я не знаю, что происходит.

Я посмотрел в окно. За стеклом висела какая-то серая муть — ни утро, ни день, ни вечер. Вроде с утра было солнце… А теперь просто серая муть, как будто мир выключили и забыли включить обратно. Декорация к очередному фильму ужасов про монстров, вылезающих из тумана.

Гул усилился.

Теперь его уже можно было не только слышать, но и чувствовать. Он вибрировал в полу, отдавался в зубах, в костях. От него начинало подташнивать.

— Нужно проверить Алису, — сказал я, и голос мой прозвучал на удивление твёрдо. Внутри при этом было жидко и холодно, но кому-то же надо изображать из себя взрослого.

— Там электронный замок, Виталий. Но сейчас… — мать развела руками. — Система не отвечает. Я пробовала открыть с кнопки. Не работает!

Я выругался сквозь зубы. Потом вспомнил.

— В кладовой есть топор, — сказал я. — Я брал его, когда

выкидывал старый шкаф в окно. Он не пролазил. Пришлось рубить его в капусту.

Мать посмотрела на меня, и в глазах её я разглядел ужас.

— Ты хочешь…

— А что ты предлагаешь? — огрызнулся я. — Просто сидеть и ждать? Пока нас не найдут агенты Ордена? А вдруг это их ловушка? Или мы будем ждать, пока Филипп соизволит выйти из своей чёртовой перезагрузки? Давай хотя бы осмотримся. А топор пусть будет… С ним надёжнее.

Она молчала. Потом кивнула.

Мы вышли на лестницу и стали спускаться вниз. Дом встретил нас той звенящей, давящей пустотой, которая бывает только в местах, откуда ушли все живые, — и гулом, который здесь был ещё гуще. Он пульсировал, как сердце: медленно, тяжело, с каким-то влажным, чавкающим оттенком. Стены, казалось, дышали.

Мимо Алискиной двери на втором этаже мы прошли, не задерживаясь. Оба. Кажется, без топора нам было страшно даже просто остановиться рядом с ней.

Кухня действительно была пуста. Ни Дарьи, ни других горничных. На плите стояла кастрюля с остывшим супом. На столе — недоеденный бутерброд. Как будто люди просто… исчезли. Испарились.

В кладовой за кухней я нашёл топор. Тяжёлый, с деревянной рукояткой, покрытой лаком. Я взял его и почувствовал, как тяжёлый топор придаёт уверенности. По крайней мере,

это было что-то реальное в этом нереальном утре.

Мы поднялись на второй этаж. Гул здесь был ещё громче. Дверь в комнату Алисы выглядела… странно. Обычная деревянная дверь, белая, с позолоченной ручкой. Но воздух вокруг неё казался плотнее. Как будто дверь была не просто заперта — она была запечатана чем-то, у чего пока нет названия.

Я подошёл ближе. Приложил ладонь к дереву. Оно было тёплым. Тёплым! Хотя в доме было холодно, как в склепе.

— Алиса! — крикнул я, стуча кулаком по двери. — Алиса, это я, Виталик! Открой!

Ответа не было. Только гул — теперь он пульсировал в такт моему сердцу, ускоряясь, нарастая.

— Отойди, — сказал я матери.

Она отступила на шаг, на два, на три. Я занёс топор.

Первый удар. Дерево вздрогнуло, но выдержало. Только щепка отлетела.

Второй удар. Трещина. Тонкая, как паутина, но трещина.

Третий удар. Четвёртый. Пятый.

Я бил и бил, чувствуя, как пот заливает глаза, как топор отдаётся в руках тупой, злой болью. Гул стал оглушительным. Он уже не просто гудел — он ревел. Как будто сам дом кричал от боли.

Наконец дерево сдалось. Щель. Узкая, с палец. Я приник к ней глазом.

И замер.

Комната была такой, как я её помнил, — только всё в ней было не так. Кровать стояла на месте. Шкаф. Стол. Но все предметы… двигались. Медленно, плавно, по кругу. Книги, карандаши, чашки, какие-то безделушки — всё это вращалось вокруг центра комнаты, вокруг кровати, как планеты вокруг солнца. А в центре парила Алиса — в белой ночной рубашке, с распущенными волосами, раскинув руки, как на распятии. Глаза закрыты. Лицо спокойное. Слишком спокойное.

А среди вращающихся предметов я увидел смартфон. Новый, блестящий, с ярким экраном. Откуда он здесь? По нашим правилам никто не может пользоваться смартфоном. Может, прислуга притащила?

Я отшатнулся от двери. Руки тряслись. Топор выпал и грохнулся на пол.

— Что там? — прошептала мать. — Что ты видишь?

Я не мог говорить. Я просто смотрел на неё, и, видимо, в моих глазах было что-то такое, от чего она побледнела ещё сильнее — если это вообще было возможно.

— Надо уходить, — выдавил я. — Немедленно.

Мы бросились вниз. Гул нарастал, стены дрожали, из щелей в потолке сыпалась пыль. Дом, который ещё вчера казался крепостью, теперь превращался во что-то живое, злое, чужое.

Входная дверь открылась легко. Слишком легко. Как будто дом сам выпускал нас. Но когда мать, выбежав на крыль-

цо, попыталась вернуться — дверь не поддалась. Замок щёлкнул сам собой. И всё. Мы оказались снаружи. Отрезанные от Алисы.

— Алиска! — закричала мать, дёргая дверную ручку. — Мы не можем её там оставить! Не имеем права!

Я стоял на лужайке, тяжело дыша, и смотрел, как мать снова и снова дёргает ручку. Дверь не поддавалась. Обычный дом. Трёхэтажный особняк в пригороде Вены. Только окна светились странным, пульсирующим светом. И гул… гул теперь был слышен даже здесь, на улице. Тише, но он никуда не делся. И ни одного собачьего воя на всю округу. Горшок бы сейчас выл так, что соседи вызвали бы полицию. Но пса не было.

Мать в бессилии опустилась на траву. Просто села, обхватила колени руками и уставилась в пространство пустым взглядом.

— Что это, Виталий? — спросила она тихо. — Что с Алисой? Что с нами? Что происходит?

Я не знал ответа. Но в голове крутилась одна мысль. Одна картинка. Алиса, держащая огонь на ладони. Алиса, парящая над кроватью. Алиса, вокруг которой вращаются вещи.

В неё вселилось что-то. Что-то чужое. Злое.

Дьявол. Или демон. Или… я не знал, как это назвать. Но я знал, что нужна помощь. Настоящая помощь. Не нейросеть, которая ушла в перезагрузку. Не топор. Нужен тот, кто умеет изгонять зло.

Я вспомнил.

Каспар. Старик, которого я спас от арабов. Католический священник. Он что-то говорил о заблудших душах, о церкви, о силе молитвы, о Боге. А католики-то как раз специально этим занимаются: экзор… экзорцизмом. Изгнанием дьявола. Тьфу, выговорил же наконец!

Я же взял у него пятьсот евро — значит, вроде бы как стал теперь верующим католиком. Значит, он обязан мне помочь, как панку из его паствы или отары. Как они там это называют? Бог всемогущ, а толковый священник изгонит сатану из моей сестры щелчком пальцев. Я вздрогнул. Опять щелчок пальцев. Тьфу!

— Мам, — сказал я, наклоняясь к ней. — Мам, послушай. Я знаю, куда идти. Тут недалеко. Один человек живёт. Он поможет.

Она подняла на меня глаза. В них не было ничего — ни надежды, ни страха. Только пустота. И от этой пустоты мне стало страшнее, чем от гула.

— Не входи в дом, — продолжил я. — Что бы ни случилось. Не входи. Жди меня здесь, во дворе. Я скоро вернусь с помощью.

Она кивнула. Медленно, как заводная кукла.

Я вышел за ворота и побежал.

Улицы Вены не были пусты. Шла обычная австрийская жизнь. Спокойно ездили машины, по тротуарам ходили прохожие. У скамеек, как всегда, кучковались смуглые парни.

Небо закрывали серые тучи, обещавшие скорый дождик. Из-за туч я не мог понять, который час, а спросить по-немецки не умел: моего запаса хватило бы только на то, чтобы попросить хлеба. И то с ошибками.

Я бежал, не разбирая дороги, и в голове стучала одна мысль: успеть. Успеть до того, как станет поздно.

Дом священника я нашёл быстро. Тот самый серенький домик с резными украшениями. Позолоченное распятие на двери. Я забарабанил в дверь кулаками.

— Святой отец! Каспар! Откройте!

Тишина. Потом — шаги. Дверь открылась, и на пороге появился старик. Тот же чёрный балахон, тот же белый воротничок, те же круглые очки. Только сейчас в его глазах не было добродушия. Только внимательность. И что-то ещё. Что-то, что я не смог прочитать.

— Виталий? — произнёс он. — Что случилось, сын мой?

— Моя сестра, — выпалил я, задыхаясь. — Там… в неё вселилось… что-то. Дьявол. Демон. Я не знаю. Ей нужна помощь. Нужен экзорцист. Вы… вы можете?

Каспар смотрел на меня долгую секунду. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Потом медленно кивнул.

— Подождите здесь, — сказал он.

Он исчез в глубине дома и вернулся через минуту. В руках у него был небольшой чемоданчик — чёрный, потёртый, с металлическими застёжками. Он открыл его на мгновение, и я увидел блеск серебра. Распятие? Святая вода? Ещё что-

то? Я не разглядел.

— Идём, — скомандовал священник.

Мы пошли быстро. Каспар, несмотря на возраст, двигался уверенно, даже стремительно. Чемоданчик он держал в правой руке, и пальцы его крепко сжимали ручку — словно оружие.

— Расскажите мне всё, — произнёс он на ходу. — Что именно произошло?

Я начал рассказывать — сбивчиво, путано, перескакивая с одного на другое, изо всех сил стараясь не разболтать семейные тайны. Гул. Исчезновение прислуги. Дверь, которая не открывается. Сестра, парящая над кроватью. Про нейросеть и Орден я промолчал.

Каспар слушал молча. Лицо его оставалось непроницаемым, но в глазах появилось что-то новое. Тень. Или, может быть, узнавание.

— Дети, а иногда и взрослые видят то, что не видят остальные, Виталий. И не всегда это ангелы. Но не всегда и демоны. — Он покосился на меня. — Виталий, как вы себя чувствуете? Голова не беспокоит? Мне кажется, вы слишком много пьёте пива…

— Да здоров я! Как бык здоров! Скорей!

Мы прошли ещё квартал. Дом уже виднелся впереди — серое пятно за деревьями. Гул, казалось, стал громче. Или это только казалось?

Внезапно я почувствовал, как что-то задребезжало у меня

в кармане джинсов. Я резко остановился. Каспар сделал ещё шаг, заметил, что я остановился, обернулся.

— Что такое?

Я вытащил из кармана брелок в виде пуговицы. Тревожная кнопка, которой Филипп снабжает каждого члена семьи. На случай опасности. На случай, когда нужно срочно бежать.

Устройство вибрировало. Два коротких сигнала. Один длинный.

Немедленная эвакуация. Бросить все дела и возвращаться домой. Если находишься в контакте с чужаком — разорвать контакт и бежать.

Я стоял и смотрел на брелок. Потом на Каспара. Потом снова на брелок.

До дома оставалось всего ничего.

Если брелок сработал, значит, SIDERA X перезагрузилась и снова функционирует. Значит, дед уже всё знает, вернее, просчитал: и гул, и датчики, и мой маршрут. Значит, справимся сами. Нам не нужна помощь Бога — на нашей стороне Истинная Астрология и возможность предсказывать будущее. Сами справимся!

Только вот коленки у меня подрагивали, а совесть — та самая, которой у панков не бывает, — скребла изнутри: я собирался наврать старику, который единственный откликнулся на мой зов о помощи. И я решил его обмануть?

— Виталий? — Каспар сделал шаг ко мне. — Что случилось?

— Это был… розыгрыш, — сказал я, и голос прозвучал фальшиво даже для меня самого. — Простите, святой отец. Я… я пошутил. Дурацкая шутка. Мы с сестрой кого-то решили разыграть… Я предложил вас. Это же так по-панковски… Вы говорили, что тоже панк… Поймёте… Всё в порядке? Без обид? Норм? Извините…

Он смотрел на меня. Долго и внимательно. Слишком внимательно.

— Виталий, — произнёс он медленно. — Я не думаю, что это шутка.

— Правда, — я попятился. — Всё нормально. Я… мне нужно идти. Простите.

Я развернулся и побежал, не оглядываясь. За спиной я слышал его голос — он звал меня, просил остановиться, говорил, что мы должны идти вместе. Но я всё бежал и бежал.

У ворот нашего дома стоял большой чёрный внедорожник с тонированными стёклами. Двигатель еле слышно работал. За рулём сидел дядя Гена — я узнал его сразу, по широким плечам и характерному наклону головы. Рядом, на пассажирском сиденье, — отец.

Я подбежал ближе. Гена подмигнул мне, указывая большим пальцем на заднее сиденье. Задняя дверца открылась.

В салоне сидели мать и Алиса.

Мать — с каменным лицом, с прямым взглядом, устремлённым куда-то вперёд. Ни страха, ни радости. Просто камень. Куда делась женщина, которая десять минут назад ры-

дала на траве? И — стоп. На ногах у неё я заметил уличные туфли — хотя ко мне она прибегала в одном тапке. Переобулась? Меня не было минут двадцать. Когда успела? Я почесал затылок и решил отложить раздумья на «потом». В последнее время думать стало страшно.

Алиса — в своей обычной одежде, с аккуратно заплетёнными косичками. Она тепло улыбнулась мне и подмигнула.

— Чего застыл, ёршик унитазный? — раздался голос дяди Гены. — Прыгай в салон. Уходим.

Я стоял, не в силах двинуться. Дом больше не гудел. Где-то позади, на соседней улице, всё ещё звучал голос священника, зовущий меня. А прямо передо мной стоял огромный чёрный внедорожник, в котором сидели мои родители, сестра и дядя Гена. Семья. Как раньше. Как всегда.

У меня не было выбора. Я просто запрыгнул в машину, усевшись между матерью и сестрой.

Дверь захлопнулась. Внедорожник с пробуксовкой рванул с места.

Я посмотрел на мать.

— Мам, всё в порядке?

Она повернула ко мне лицо. Мне показалось, что её взгляд не фокусируется на мне, словно она смотрит мимо меня — насквозь, на стекло, на что-то за стеклом, на улицах Вены.

— Всё в полном порядке, Виталик. Хорошо, что Аркадий с Геной приехали вовремя, — голос матери показался мне холодным и каким-то механическим.

— Алиса, как ты себя чувствуешь? — я повернулся к сестре.

— Всё хорошо, братик! — она смотрела на меня, лучезарно улыбаясь.

Я потряс головой, пытаясь собраться с мыслями. Только что я хотел спросить сестру о чём-то важном, но мысль ускользнула от меня, как рыбка сквозь пальцы.

— Пап, куда мы едем? — рот словно сам собой изрёк другой вопрос.

Отец обернулся и посмотрел на меня.

— Известно куда, Виталик. В аэропорт, а оттуда в Перу. Мы же летим на фестиваль пастафариан. Ты разве забыл?

— Ничего я не забыл! — вскричал я. — Но почему так срочно? Собирались же через несколько дней!

— Филипп прислал мне сообщение в Питер: по новому прогнозу, оставаться здесь, в Вене, крайне опасно. Вероятность обнаружения агентами Ордена приблизилась к единице. Виталик, я надеюсь, нет необходимости объяснять тебе, что это значит?

Риск быть обнаруженными составил почти сто процентов. После школы я никуда не поступил, но последним идиотом не был точно. Только вот куда девалась вся чертовщина, которая творилась в доме полчаса назад? Гул. Плавающие в воздухе предметы. Перезагрузка деда. Это что — тоже прогноз учёл?

— Из Питера я попросил Филиппа незамедлительно уво-

лить и отослать домой прислугу и начать перезагрузку своих данных на защищённый сервер в Перу, который купила Луна, — отец рассказывал спокойным голосом, пока дядя Гена вёл машину по улицам Вены. — Когда мы подъехали, Ира и Алиса уже ждали нас во дворе с собранными чемоданами. Филипп позвонил и сообщил, что перезагрузка данных завершена. А ты, Виталик, где-то шлялся…

— Скажи водке «нет», пацан, — дядя Гена резко крутанул руль вправо, выезжая на шоссе в сторону аэропорта.

— Разве мама не сказала, куда я пошёл? — я повернулся и посмотрел на мать.

— Я сказала папе и дяде Гене, что ты пошёл в католическую церковь, чтобы помолиться, — произнесла Алиса, подмигивая мне.

Я открыл рот — и не смог ничего из себя выдавить.

— Но мы не поверили: где — ты, а где — церковь? — хором ответили отец с дядей Геной и рассмеялись.

Я посмотрел на мать. Она смотрела куда-то вперёд. Отстранённо. Она вела себя как-то странно, будто её выключили из розетки вместе с гулом. Ни слова не произнесла.

— Я попросил Филиппа активировать «маяк тревоги», чтобы ты скорее вернулся, — объяснил отец. — И вот ты здесь! На самолёт вполне успеваем. Вот, держи твой новый паспорт и билет.

Я взял протянутые документы, пролистал.

— Джарет Янковитц? — моё новое имя показалось мне

идиотским.

— Луна обещала, что тебе понравится, — отец усмехнулся.

Луна. Её не было рядом, но она помнила обо мне. Она же там, в Перу. Она будет в аэропорту. Она увидит меня — с перегаром, в помятой футболке, под новым идиотским именем. Тридцать семь сообщений — и ни одного ответа. Проклятье! Какой же я осёл!

— Ты даже не представляешь, какой, — очень тихо, одними губами, прошептала Алиса.

— Чего? — я с недоумением уставился на сестру.

— Дядя Гена, мы скоро уже приедем? — громко спросила Алиса. — А то мама устала, ей бы скорее прилечь.

Я был совершенно уверен, что Алиса сказала мне совсем другую фразу. Какую именно — уже не вспомнить: слова, которые я слышал, и слова, которые она произносила, больше не совпадали. Происходило что-то непонятное. Мне было нужно поговорить с мамой.

— Минут через двадцать, — дядя Гена бросил взгляд на часы. — Это если пробок не будет.

Внезапно я вспомнил, что хотел спросить:

— Пап, а что с Горшком?

— Виталик, зачем тебе горшок? Воспользуешься унитазом!

Эту фразу произнесла мать. Странным механическим голосом. Но все сразу же засмеялись.

Неужели они не поняли?

— Ну не валяйте дурака! Я спрашиваю про нашего, про моего питбуля, — возразил я.

Отец обернулся и оторопело уставился на меня.

— Питбуля, Виталик? — удивление в его голосе просто зашкаливало. — Какой у нас может быть питбуль, если у твоей сестры аллергия на собачью шерсть и на антибиотики в молоке? Ты меня пугаешь!

— А ведь говорили тебе: не пей много, дуралей! — Алиса усмехнулась.

Я не знал, что ответить. Час назад, когда дом гудел, как улей, мать сама твердила: «Нет ни пса, ни подстилки! Куда он пропал?» Сама! А теперь в этой машине все уверены, что никакого Горшка не было отродясь. Как такое возможно? Или они все сошли с ума, или я. С ума сходят поодиночке. Значит, я поехал «кукухой».

Главное, не буянить, чтобы не связали. Притворюсь. Подыграю. А в самолёте поговорю наедине с матерью, с отцом, с дядей Геной. Разрулю ситуацию. Порешаю. Не впервой.

— Ничего, бать, я просто прикалываюсь…

Я обратил внимание, как Алиса еле заметно одобрительно кивнула.

— Дядя Гена, а ты действительно Переменная Икс? — почти сразу спросила Алиса.

— Так точно! — ответил наш водитель.

— У Генки настоящая мама была советским космонавтом, которая трагически погибла при приземлении посадочного модуля. Он родился на космической станции «Мир», в космосе. Именно по этой причине ни один астролог не способен построить натальную карту на Гену и предсказать его судьбу, — ответил отец.

— Настоящая мама? — удивился я. — А Галина Петровна?

— Тётя Галя, старшая сестра матери, вырастила и воспитала меня, как родного сына, — ответил дядя Гена. — Когда мать погибла при посадке, я выжил. Союз разваливался. Денег было недостаточно. Обо мне сообщили родственникам. Галине Петровне позволили меня усыновить только при условии, что она никому, включая меня, не расскажет, кто я на самом деле и где родился. Государственная тайна. Гриф «Совершенно секретно». Никто про меня не болтал, поэтому агенты Ордена ничего пронюхать не смогли. А отыскать Переменную Икс по астрологическим картам просто невозможно. Именно поэтому я до сих пор жив. Надеюсь, детишки, вы никому не расскажете, иначе вас КГБ найдёт и в лагерь отправит золото добывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.